

Б. В. АНАЛЬИЧ

ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС ЦАРИЗМА В 1905—1906 гг.

С начала века и вплоть до первой мировой войны русское самодержавие не переживало более острого финансового кризиса, чем в 1905—1906 гг. Если учесть, что кризис этот был тесным образом связан с периодом наибольшего подъема первой русской революции, то естественно внимание, которое уделялось и уделяется ему в исторической литературе.¹

Особенность финансовой политики самодержавия еще с конца прошлого столетия состояла в широком привлечении в Россию иностранных капиталов, преимущественно в ссудной форме. С. Ю. Витте, сменивший в 1892 г. А. И. Вышнеградского на посту министра финансов, выступил со специальной программой экономического развития России за счет притока в русскую промышленность и железнодорожное строительство иностранных капиталов.² После 1892 г. последовала целая серия русских государственных и железнодорожных займов, размещавшихся, как правило, на парижском и отчасти на берлинском денежных рынках. Осуществлению этой программы должно было способствовать введение в России в результате денежной реформы 1897 г. золотой валюты и свободного размена кредитных билетов на золото. Золотая валюта и внешние займы стали своего рода основой всей финансовой системы Витте. «Без внешних займов, — писал в 1907 г. о своем финансовом кредо Витте, — наша бед-

¹ Достаточно полные сведения о степени изученности в советской исторической литературе экономического и финансового положения России в начале XX в. содержатся в книге К. Н. Тарновского «Советская историография российского империализма» (М., 1964). Отметим лишь, что для настоящей статьи особое значение имели работы Б. А. Романова, в частности его монографии «Россия в Маньчжурии (1892—1906)» (Л., 1928), «Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1907» (М.—Л., 1955), а также составленный им сборник документов «Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг.» (М.—Л., 1926).

² Эта сторона деятельности Витте сделана предметом специального исследования в книге американского историка Теодора фон Лауэ (Th. H. von Laue. Sergei Witte and the Industrialization of Russia. New York—London, 1963).

ность обостряется и становится еще более чувствительной; внешние займы и приток иностранных капиталов своего рода мышьяк, под действием которого происходит наше экономическое и финансовое развитие. Печально, конечно, что мы не можем обойтись без такого лекарства. Но это все-таки лекарство из лучших. Это великолепное средство против бедности. Доказательство представляют Германия и Соединенные Штаты Америки, которые 50 лет назад еще считались бедными странами, а теперь стали опасными соперниками для самых богатых стран. А выросли они на притоке иностранных капиталов и сильно продолжают ими питаться... Огромное значение золотой валюты, — утверждал Витте, — заключается прежде всего в том, что она представляет золотой мост, перекинутый из богатых стран в бедные; при ней ускоряется выход из бедности, тогда как при бумажной валюте он замедляется». ³ Именно внешние займы были превращены Витте в один из основных источников образования так называемой свободной личности, служившей рекламой финансового благополучия империи, а также источником, из которого черпались средства на такие общегосударственные мероприятия, как проведение денежной реформы, перевооружение армии, строительство Сибирской железнодорожной магистрали и т. д. ⁴

Основы провозглашенной Витте финансовой политики не претерпели значительных изменений после его ухода в 1903 г. с поста министра финансов и последовательно проводились в жизнь его преемниками Э. Д. Плеске, а затем В. Н. Коковцовым, возглавившим русское Министерство финансов в феврале 1904 г. ⁵

Регулярные займовые операции за границей наложили особый отпечаток на всю экономическую политику царизма. По мере того как неуклонно увеличивалось количество русских ценных бумаг, находившихся в обращении за пределами России, самодержавие все теснее связывало свою судьбу с западноевропейскими биржами и в первую очередь с французской. ⁶ Возрастала роль иностранных займов не только в экономической, но и в политической жизни российской империи, причем особенно заметно эта роль проявилась в период 1905—1906 гг., когда в один клубок

---

³ Записка С. Ю. Витте от 3/16 марта 1907 г. ЦГИА, ф. 1044, оп. 1, д. 237, лл. 12—13. — Витте утверждал, что со времени реформы 1897 г. и введения золотой валюты все проведенные им внешние займы «пошли исключительно на производительные цели» и не было сделано ни одного займа с целью поддержки валюты (там же).

⁴ См. всеподданнейшую докладную записку П. А. Сабурова от января 1903 г. ЦГИА, ф. 1044, оп. 1, д. 32, лл. 11—22.

⁵ В. Н. Коковцов занимал этот пост до января 1914 г. с небольшим перерывом с октября 1905 по апрель 1906 г., во время которого министром финансов в правительстве Витте был И. П. Шипов.

⁶ Попытки Витте в 1898—1902 гг. расширить сферу кредитования и выйти на международный денежный рынок окончились неудачей.

сплелись военное поражение и последовавший за ним глубочайший финансовый и внутривластительский кризис царизма.

Слабые стороны финансовой политики самодержавия дали себя знать еще в период экономического кризиса 1900—1903 гг. К концу 1902 г. рост государственных расходов и соответствовавший ему рост налогового обложения приняли такой характер, что равновесие российского бюджета оказалось под угрозой.⁷ Возникшая угроза нарушения бюджетного равновесия вызвала серьезное беспокойство в кругах, ответственных за финансовое положение страны. «Я с тревогою смотрю на наше экономическое и финансовое положение, — писал Коковцов в апреле 1903 г. в частном письме члену Комитета финансов П. А. Сабурову. — Вполне ясный отчет даю я себе и относительно трудностей нашего политического положения. Мне очевидна наша фактическая изолированность и то значение, которое она может и должна иметь в эпоху великих концентраций, трестов, синдикатов, союзов и т. д. ... Что же касается до самого бюджета и финансовой политики, — продолжал Коковцов, — то у меня слишком болит душа о ней и хочется крикнуть одно суммарное пожелание: пора, давно пора, умерить фантазии, которые ведут нас к явной гибели! Эти фантазии я вижу везде: в непомерном и неразумном усилении флота, в нашей активной политике за счет голодного мужицкого брюха, в никому не нужном мореплавании, в подачках и воспособлениях развративших всех и вся, в роскоши чиновничества, и невольном стремлении брать деньги на все, вместо того, чтобы приостановить расходную сатурналию и начать ослаблять податной винт в меру естественного прироста в доходах».⁸ Для сохранения прочного бюджетного равновесия Государственный совет утвердил решение о необходимости сокращения в 1903 г. государственных расходов. Однако начавшаяся в феврале 1904 г. русско-японская война, потребовавшая напряжения всех финансовых ресурсов, исключила возможность какого бы то ни было регулирования расходов. Издержки на военные нужды оказались настолько велики, что самодержавие не смогло вести ее без значительных позаимствований на иностранных биржах. С начала войны и до конца 1904 г. русское Министерство финансов сделало два крупных займа, один во Франции, а другой на берлинском денежном рынке. Однако занятых денег оказалось недостаточно для того, чтобы покрыть военные издержки.

Как видно из доклада Коковцова, представленного им в конце 1904 г. царю, русский министр финансов, рассматривая перспек-

⁷ Журнал Департамента государственной экономии о финансовых сметах министерств и главных управлений и о государственной росписи доходов и расходов на 1903 г. 30 декабря 1902 г./12 января 1903 г. ЦГАОР, ф. 543, оп. 1, д. 291, лл. 12—14.

⁸ Коковцов — Сабурову, 17/30 апреля 1903 г. ЦГИА, ф. 1044, оп. 1, д. 269, лл. 1—2 об.

тивы финансирования войны в 1905 г., все свои надежды возлагал на внешние рынки, где он рассчитывал получить в течение 1905 г. около 500 млн руб.⁹

Естественно, что такая программа должна была еще крепче связать самодержавие с иностранной, в первую очередь французской, биржей и вынуждала русский царизм оглядываться на своих французских кредиторов даже при решении некоторых внутриполитических вопросов. Не случайно на созванном Николаем II в 1904 г. совещании в связи с подготовкой проекта указа 12 декабря 1904 г. министр финансов Коковцов, высказавшийся наряду с Витте, Н. В. Муравьевым и другими за отказ от крайне реакционной внутренней политики в духе В. К. Плеве, подчеркнул, что в результате такой политики правительство теряет «доверие в финансовых кругах за границей», а это при крайне неблагоприятном течении войны «может привести финансы к полному разорению».¹⁰

Французская биржа реагировала на события внутриполитической жизни России как самый чуткий барометр. Известие о событиях 9 января, по сообщению русского посла во Франции А. И. Нелидова, вызвало в финансовых кругах Парижа «сильнейшую тревогу». «В понедельник русские бумаги значительно понизились» в цене, и хотя «до паники дело не дошло» и в следующие дни цена русских фондов несколько поднялась, Нелидов констатировал «удрученное настроение биржи».¹¹

Нелидов не мог или не хотел скрывать, что расстрел 9 января не встретил одобрения даже в кругах, которые невозможно было заподозрить в сочувствии революционному движению. Он так и передавал министру иностранных дел В. П. Ламздорфу, что тревожные известия из Петербурга о «развившихся там стачках и беспорядках и о кровавом их подавлении» были восприняты «с чувством соболезнования и уныния», и «даже искренно... преданные французы находили совершенно непонятными и непоследовательными распоряжения, в силу коих сначала в течение целой недели могла беспрепятственно подготавливаться и распространяться огромная стачка рабочих, сопряженная с движением чисто революционного свойства, а затем разом приняты были для прекращения беспорядков столь строгие военные меры, что ими могло быть подавлено и настоящее вооруженное восстание».¹² Это был прямой упрёк в адрес самодержавия за неуклю-

⁹ Всеподданнейшая записка Коковцова от 19 ноября/1 декабря 1904 г. Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг., М.—Л., 1926, стр. 140.

¹⁰ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. II, М., 1960, стр. 331.

¹¹ Нелидов — Ламздорфу, 13/26 января 1905 г. Историк-марксист, кн. 1, 1936, стр. 99—100; см. также: Н. Лукин. Русская революция 1905 г. и Западная Европа. Там же, стр. 37.

¹² Историк-марксист, кн. 1, 1936, стр. 99—100.

жие действия в борьбе с революционным движением, в результате которых оно опозорило себя на весь мир кровавой расправой. Упрёк этот исходил, конечно, из французских правительственных и финансовых кругов, обеспокоенных не только за «репутацию» должника в глазах держателей русских фондов, но и возможностью роста революционного движения в России. В донесении Нелидова, помимо весьма недвусмысленно выраженного недовольства действиями правительства 9 января, самодержавию подсказаны были и более гибкие методы борьбы с революционным движением. «Распорядители банков и биржевики, — писал Нелидов, — желают, разумеется, строжайших мер для скорейшего восстановления порядка и правильного течения дел. Люди же, нам сочувствующие, но более глубоко смотрящие на положение вещей, вполне допуская необходимость временного принятия исключительных мер, твердо надеются и убеждены, что при чутком понимании государем императором истинных нужд государства и народа, по упрочении спокойствия в столице и в местах, где порядок не может еще быть нарушен, высшие правительственные установления продолжать будут рассмотрение и приведение в действие благодетельных предначертаний, намеченных в высочайшем указе 12 декабря, широкое применение и развитие коих одно способно предотвратить в будущем возникновение и повторение печальных событий, ознаменовавших второе воскресенье нынешнего года». «Если бы таково было действительное намерение императорского правительства, — продолжал свою мысль Нелидов, — сообщение в этом смысле произвело бы несомненно самое благоприятное впечатление на общественное мнение в Европе и послужило бы к упрочению сильно потрясенных основ, на которых зиждется сочувствие к нам французского народа и союз наш с его правительством».¹³ В том, что заказ о такого рода заявлении в печати был сделан через Нелидова французским правительством, не трудно убедиться, если проследить за ходом франко-русских отношений вскоре после событий 9 января.

В начале февраля в Петербург со специальной и в сущности политической миссией приехал представитель Парижско-Нидерландского банка и «глава русского синдиката в Париже» Эд. Нецлин. Нецлин потребовал от Коковцова принятия мер для предотвращения «катастрофического падения» на парижском рынке русских бумаг, которое происходит под влиянием революционного движения в России и военных неудач на Дальнем Востоке. В частности, он предложил русскому правительству, если оно не намерено отказываться «на долгий срок от заключения во Франции государственных займов» «значительно увеличить кредит на

¹³ Нелидов — Ламздорфу, 13/26 января 1905 г. Историк-марксист, кн. 1, 1936, стр. 99—100.

поддержку прессы» и «взять этот расход исключительно на средства русской казны», а также найти способ успокоить «денежную французскую публику». ¹⁴ Нецлин «совершенно открыто» заявил Коковцову, что «приехал с ведома французского правительства», виделся перед отъездом с Нелидовым, который должен был написать Коковцову специальное письмо и что «французское правительство чрезвычайно встревожено» развитием революционных событий в России и ему, Нецлину, «приходилось подмечать в широких кругах политических деятелей Франции сомнение в том, удастся ли русскому правительству овладеть положением, и не будет ли оно вынуждено и на каких именно основаниях уступить общественному движению и пойти навстречу его желаниям, вставши на путь конституционного образа правления». ¹⁵ Коковцов пропустил мимо ушей этот достаточно прозрачный намек на желательность введения каких-то конституционных преобразований, переадресовав Нецлина к председателю Комитета министров. Встречей с Витте французский банкир тоже не довольствовался и добился аудиенции у Николая II. Из Царского Села Нецлин приехал в Петербург в «радужном настроении», обещания Николая II его полностью удовлетворили и он был настроен «тотчас по своему возвращении» во Францию предпринять «самые решительные шаги к возобновлению переговоров» о русском займе. Царь заверил представителя Парижско-Нидерландского банка и даже «поручил ему передать» кому тот «признает нужным», что «революционное движение в стране гораздо менее глубоко, нежели предполагают в Париже» и правительство «справится с ним», что с прибытием на Дальний Восток русского флота следует ожидать «резкого поворота» в военных действиях в пользу России и, наконец, что он, Николай II, «сам серьезно думает о таких реформах, которые дадут большее удовлетворение общественному настроению». ¹⁶

Если довериться памяти Коковцова, то приезд Нецлина в Петербург следует поставить в прямую связь с таким чисто внутривнутриполитическим актом, как рескрипт Николая II А. Г. Булыгину, положивший начало выработке проекта о созыве законосовещательной Государственной думы. В воспоминаниях Коковцова эти события прочно связаны друг с другом в строгой хронологической последовательности. Известие о визите Нецлина в Царское Село (по предположению Коковцова, благодаря Витте) попало в газеты, на страницах которых «на самые разнообразные лады» стала обсуждаться мысль о сочувствии царя «идее преобразования в духе общественного доверия». И вдруг 18 февраля/3 марта «со-

¹⁴ В. Н. Коковцов. Из моего прошлого, т. I, Париж, 1933, стр. 62.

¹⁵ Там же. — Коковцов утверждает, что никакого письма на этот счет от Нелидова он не получал.

¹⁶ В. Н. Коковцов. Из моего прошлого, стр. 63.

вершено неожиданно» был опубликован и «прозвучал резким диссонансом к этой мысли» рескрипт (манифест, — *В. А.*) на имя Булыгина о необходимости борьбы «всеми доступными власти способами» с забастовочным движением, в котором «ни одним словом не упоминалось о доверии к обществу и не возвещалось никаких реформ». «Витте был крайне смущен, — писал Коковцов, — тоном рескрипта, поехал в Царское Село и говорил об этом. Говорил и я на моем докладе, указавши на то, что в Париже просто не поймут этого после приема Неплина. Государь не дал прямого ответа, обещал подумать, и через некоторое время — я не припоминаю теперь в точности этого промежуточного времени — появился новый рескрипт на имя Булыгина, с повелением приступить к разработке предположений о привлечении населения к более „дейтельному и постоянному участию в делах законодательства“». ¹⁷ Рассказ этот Коковцова, по-видимому, не совсем точен. Во-первых, оба документа противоречащие друг другу по духу были опубликованы в печати в один и тот же день — 18 февраля/3 марта, а не последовательно один за другим. Во-вторых, из воспоминаний Витте известно, что он узнал о существовании манифеста о «нестроении и смутах» 17 февраля/2 марта в поезде по дороге в Царское Село, куда он ехал вместе с другими министрами на обсуждение мер, которые предполагалось принять «для успокоения общества». ¹⁸ В тот же день участники совещания были ознакомлены с проектом рескрипта Булыгину о привлечении населения к участию в законодательстве. ¹⁹ Проект этот, по свидетельству Витте, царь поручил составить Булыгину заранее в другом заседании, точной даты которого Витте не помнил, но на котором выступал и Коковцов и Булыгин — оба в пользу привлечения «выборных» от населения к законодательству. Причем Коковцов заявил, что «без такого шага будет трудно сделать заем, который является необходимым ввиду войны». ²⁰

И на предварительном заседании, и при обсуждении 17 февраля/2 марта проекта рескрипта Булыгину, Витте, по его утверждению, молчал. ²¹

Как видно, версия Витте и версия Коковцова относительно обстоятельств, связанных с появлением рескрипта Булыгину, который положил начало выработке проекта о созыве законосовещательной думы, во многих деталях отличаются друг от друга. Зато в главном они свидетельствуют одно и то же, а именно: что при обсуждении этого сугубо внутриполитического акта во-

¹⁷ Там же, стр. 64.

¹⁸ С. Ю. В и т т е. Воспоминания, стр. 376.

¹⁹ Там же, стр. 378.

²⁰ Там же, стр. 375.

²¹ Там же, стр. 375 и 378.

прос о предстоящем французском займе играл если не решающую, как это утверждает Коковцов, то по крайней мере значительную роль.

Хотел или не хотел Николай II брать у французской буржуазии уроки борьбы с революционным движением, но так просто отмахнуться от советов, поступавших из Парижа, он, разумеется, не мог.

В Петербурге, конечно, отдавали себе отчет в справедливости предостережений Нелидова о том, что стоит только начаться панике на Парижской бирже, и курсы русских бумаг лавиной «безудержно покатятся вниз с головокружительной быстротой» и тогда уже «ничто не сможет остановить их падения». «Мы будем иметь против себя всех, — предсказывал Нелидов неизбежные последствия финансового краха, — от последнего слуги и рабочего до самого богатого барина: они все делали вклады в русские фонды».²² Взяв уже однажды сочувственный тон в отношении реакции французских правительственных и финансовых кругов на события 9 января, Нелидов теперь, в феврале 1905 г., высказывался за то, чтобы следовать рекомендациям из Парижа и, в частности, безоговорочно поддержал требование парижских биржевиков об увеличении расходов на подкуп прессы.

Высказанное еще Неццином во время его приезда в Петербург, это требование затем было повторено в самой категорической форме синдиком биржевых маклеров Вернейлем, который нанес специальный визит Нелидову и без труда убедил русского посла в необходимости значительно увеличить субсидии французским газетам, повысив сумму ежегодных расходов до 2 или даже 3 млн франков.²³

После визита Вернейля Нелидов тотчас же телеграфировал в Петербург, а на следующий день 17 февраля/2 марта отправил Ламздорфу пространное письмо с призывом идти на жертвы ради сбережения «нескольких десятков миллионов», «действовать быстро» и «быть щедрыми».²⁴ Нелидов и агент русского Министерства финансов во Франции А. Г. Рафалович пришли к единодушному мнению о необходимости совершенно довериться Вернейлю и через него воздействовать на печать, сделав немедленно первый взнос в размере 200—300 тыс. франков, а затем уже обязать французских банкиров, как раз только что выехавших в Петербург для ведения переговоров о займе, «продолжать ежемес- сячные взносы на расходы по рекламе».²⁵

---

²² Нелидов — Ламздорфу, 17 февраля/2 марта 1905 г. Русские финансы. . . , стр. 157—158.

²³ Там же, стр. 159. — Одновременно Вернейль обратился с письмом на ту же тему к Вигте.

²⁴ Нелидов — Ламздорфу, 17 февраля/2 марта 1905 г. Русские финансы. . . , стр. 159.

²⁵ Там же.

Одновременно Нелидов призывал свое правительство к устранению каких бы то ни было причин для беспокойства французской публики и банкиров, даже таких как «неизвестность относительно намерений правительства, неустойчивость положения, непрерывные перемены в высших административных сферах» и т. д.²⁶ В весьма осторожной форме посол намекал и на желательность заключения мира. «Восстановление мира также, конечно, внесло бы некоторое успокоение в настроение держателей русских фондов, — писал Нелидов, — хотя главный источник их беспокойства всегда будет корениться в нашем внутреннем положении».²⁷ Убедив русского посла в необходимости увеличить субсидии французским газетам и отправив соответствующее письмо Витте, Вернейль отнюдь не собирался пассивно ожидать окончательного решения этого вопроса в Петербурге, а почти сразу же принял меры к тому, чтобы заставить Коковцова действовать не откладывая дело в долгий ящик. 25 февраля/10 марта, в разгар переговоров в Петербурге о займе, парижская синдикальная палата решила воздержаться от участия в новом займе и не принимать его бумаги к котировке, если русское правительство не будет предоставлять «в распоряжение русского посольства на все время продолжения войны ежемесячно 250 тыс. франков для распределения в случае необходимости по первому требованию синдиката».²⁸ В Петербурге об этом решении стало известно в тот же день.²⁹ Впрочем, Коковцов и без того понимал безвыходность своего положения и еще 26 февраля/11 марта отправил Нелидову сообщение в Париж, что им уже дано распоряжение Рафаловичу воздействовать на французскую прессу и он счел возможным пойти на крупные расходы до 750 тыс. франков в течение 4 месяцев.³⁰ Коковцов не скрывал перед Нелидовым своего беспокойства за настроение французских промышленных кругов, которые по-прежнему были недовольны политикой русского Министерства финансов в деле размещения заграничных военных заказов.

Дело в том, что заказы Артиллерийского ведомства, которые Коковцов еще осенью 1904 г. обещал французским фабрикантам, в конечном счете были все-таки размещены в Германии. Цены, названные французскими фирмами, оказались на 30% выше тех,

²⁶ Там же, стр. 158.

²⁷ Там же.

²⁸ Нелидов — Ламадорфу, 25 февраля/10 марта 1905 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1905 г., д. 86 б., л. 321—321 об.

²⁹ И Витте и Коковцов были весьма задеты этим унижительным для русского правительства требованием Вернейля. По-видимому, действия Вернейля не одобрил в полной мере и Бомпар (см.: Бомпар — Делькассе, 27 февраля/12 марта 1905 г. Documents diplomatiques français, sér. 2, t. 6, № 145, p. 194; далее: DDF).

³⁰ Коковцов — Нелидову 26 февраля/11 марта 1905 г. Русские финансы. . ., стр. 161.

по которым германские промышленные предприятия взялись изготовить снаряды для русской артиллерии (изготовление шрапнели в Германии стоило 17 р. 50 к., во Франции — 23 р. 80 к.). Разница в стоимости всего заказа составляла 3 млн руб., и естественно, что русское правительство вынуждено было отказаться от услуг французской промышленности.³¹ В связи с этим теперь, в феврале—марте 1905 г., Коковцов явно опасался нападков французских фабрикантов на русское Министерство финансов и спешил сообщить Нелидову сведения, которые должны были несколько успокоить французские промышленные круги. Прежде всего, что готовился дополнительный заказ на снаряды и он, Коковцов, «дабы снять с Министерства финансов упрек в том, что оно будто бы не поддерживает французскую промышленность» настоятельно просил военного министра оказать на этот раз «предпочтение французским поставщикам перед германскими», хотя было известно, что выполнение заказа во Франции обойдется на 1 или 1.5 млн руб. дороже. «Я не знаю, конечно, будет ли уважено мое ходатайство по этому предмету, — писал Коковцов, — но не сомневаюсь, что с своей стороны мною уже сделано и делается все от меня зависящее, в интересах французской промышленности».³² Коковцов просил также Нелидова иметь в виду, что благодаря Министерству финансов во Франции был сделан заказ на 114 малых паровозов для железных дорог в Маньчжурии несмотря на то, что цена заказа была на 137 тыс. руб. дороже по сравнению с предложенной немецкими промышленниками.³³

Однако несмотря на принятые меры русскому Министерству финансов так и не удалось весной 1905 г. успокоить французскую биржу, хотя обнародование рескрипта от 18 февраля на имя Булыгина о привлечении населения к участию в законодательстве и произошло, как сообщал Нелидов, «весьма благоприятное впечатление на общественное мнение во Франции»,³⁴ отпуск огромных средств на подкуп прессы позволил усилить контроль за поведением французских газет,³⁵ а Нелидов постарался использовать полученные им от Коковцова сведения о заказах, для того чтобы отвести претензии французских промышленников.³⁶

Новые неудачи на театре военных действий, мукденское поражение, и связанный с ним срыв переговоров о займе факти-

---

³¹ Коковцов — Нелидову, 26 февраля/11 марта 1905 г. Русские финансы..., стр. 163—164.

³² Там же.

³³ Там же, стр. 164.

³⁴ Нелидов — Ламздорфу, 24 февраля/9 марта 1905 г. АВВР, ф. Канцелярия, 1905 г., д. 86а, лл. 76—77.

³⁵ Нелидов — Коковцову, 3/16 марта 1905 г. Русские финансы..., стр. 172—174.

³⁶ Там же.

чески свели на нет результаты деятельности русского дипломатического и финансового ведомств.

Для переговоров о займе в Петербург во второй половине февраля (по ст. ст.) приехали представители трех крупнейших французских кредитных учреждений: Лпонского кредита, Готтингер и Ко и Парижско-Нидерландского банка. Переговоры затянулись до последних чисел февраля,³⁷ и условия контракта были окончательно установлены только к 27 февраля/12 марта 1905 г.³⁸ На следующий день 28 февраля/13 марта банкиры были приняты председателем Комитета финансов Сольским, затем обедали у Коковцова и условились с ним о встрече 2 марта в 11 час. утра уже для подписания подготовленного контракта. Однако на следующий день утром банкиры не явились, известив Коковцова письменно, что «в ночь с 28 на первое марта ими был получен от своих учреждений приказ не подписывать контракта и вернуться в Париж».³⁹ Насколько удалось выяснить несколько позднее Нелидову, одной из основных причин срыва переговоров явилось поражение русских войск под Мукденом. После известия о результатах мукденского сражения «Лионский кредит, получивший отказы от многих своих клиентов, заранее записавшихся было на заем», решил отозвать своего представителя из Петербурга. Его примеру последовали остальные участники консорциума. Решение банкиров «испугало министра финансов» и Рувье будто бы высказался за то, чтобы отложить заключение займа.⁴⁰ Отсрочка русского займа произвела «весьма невыгодное» для России впечатление в парижских финансовых сферах,⁴¹ однако на этот раз, поведение банкиров не получило, по всей видимости, полной поддержки французского правительства, которое вскоре после разрыва переговоров предприняло шаги к тому, чтобы несколько притушить неожиданно возникший конфликт. Прежде всего французское Министерство финансов взяло на себя целиком все «заботы», связанные с подкупом прессы, благодаря чему

³⁷ См.: Бомпар — Делькассе, 25 февраля/10 марта 1905 г.; Бомпар — Делькассе, 26 февраля/11 марта 1905 г.; Делькассе — Бомпару, 26 февраля/11 марта 1905 г. DDF, ser. 2, t. 6, NN 139, 140, 141, pp. 186—187.

³⁸ Накануне, 26 февраля/11 марта, Бомпар телеграфировал в Париж о согласии русского министра финансов и банковской группы выпустить 600-миллионный 5%-й заем по цене 91 1/4% (см.: Бомпар — Делькассе, 26 февраля/11 марта 1905 г. DDF, ser. 2, t. 6, № 142, p. 187).

³⁹ Бомпар — Делькассе, 28 февраля/13 марта 1905 г. DDF, ser. 2, t. 6, № 148, p. 193; Коковцов — Нелидову, 10/23 мая 1905 г. Русские финансы. . ., стр. 180—184; см. также: Б. А. Романов. Очерки. . ., стр. 358—359.

⁴⁰ Нелидов — Ламздорфу, 10/23 марта 1905 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1905 г., д. 86а, лл. 91—94. — Позднее, летом 1905 г., при объяснении с Нелидовым Рувье отрицал свою причастность к срыву переговоров и «выразил удивление и неудовольствие по поводу возведения на него банкирами обвинения в несочувствии» этой операции (Нелидов — Коковцову, 28 мая/10 июня 1905 г. Русские финансы. . ., стр. 190).

⁴¹ Нелидов — Ламздорфу, 10/23 марта 1905 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1905 г., д. 86а, лл. 91—94.

и русское правительство и русское посольство в Париже оказались совершенно в стороне от этой, по выражению Нелидова, «неприглядной домашней стряпни». ⁴² В конце марта президент французской республики Лубэ пригласил к себе Эдуарда Нецлина для объяснений о причинах перерыва в переговорах о займе и заявил банкиру, что осуществление операции «всецело отвечало бы интересам Франции, как по политическим соображениям, так и ввиду полной уверенности лично его и многочисленной части французского народа в полной обеспеченности сумм, помещенных в русские государственные процентные бумаги». ⁴³ Очевидно под влиянием этого разговора, в начале апреля Нецлин обратился к вице-директору Особенной канцелярии по кредитной части Вышнеградскому с вопросом о том, не хочет ли русское правительство прислать в Париж своего представителя для возобновления переговоров. Однако это предложение было отклонено Коковцовым, который заявил, что «если банкиры согласны на заключение займа», то им остается только «подписать уже выработанный по соглашению с ними контракт». ⁴⁴

После отъезда из Петербурга уполномоченных Парижских банков Коковцов демонстративно отказался от каких бы то ни было попыток возобновить переговоры во Франции с какими бы то ни было банкирскими домами. Так, русское правительство не сделало каких-либо значительных усилий ради того, чтобы воспользоваться услугами банкирского дома Госкье, изъявившего готовность прийти на помощь самодержавию как раз в момент разрыва переговоров с «русским синдикатом». ⁴⁵ Коковцов, конечно, понимал, что возобновление переговоров о займе в Париже неизбежно было бы сопряжено с пересмотром контракта в пользу банкиров, т. е. с новыми уступками финансового характера, и потому, видимо, предпочел отложить «дальнейшие переговоры о заграничном займе до более благоприятного момента», прибегнув пока к внутренним ресурсам. ⁴⁶

11/24 марта Коковцов внес на обсуждение Комитета финансов вопрос о выпуске внутреннего 5% займа на 200 млн руб. Министр финансов предложил проект свободного от налога долгосрочного займа, подлежавшего погашению тиражами в течение 49 лет. Выпускная цена займа должна была составить 96%, а ко-

---

⁴² Нелидов — Коковцову, 10/23 марта 1905 г. Русские финансы..., стр. 175.

⁴³ Всеподданнейшая докладная записка Коковцова, 17/30 марта 1905 г. ЦГИА, ф. 583, оп. 4, д. 318, л. 45—45 об.

⁴⁴ Коковцов — Нелидову, 10/23 мая 1905 г. Русские финансы..., стр. 183.

⁴⁵ Нелидов — Коковцову, 3/16 марта 1905 г. Русские финансы..., стр. 173.

⁴⁶ Представление министра финансов в Комитет финансов о выпуске внутреннего 5%-го займа 1905 г., не позднее 11/24 марта 1905 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 436, лл. 1—3 об.

миссия банкирам — 1.5%. Предполагалось, что первая половина вырученной от реализации займа суммы поступит в распоряжении Государственного казначейства в конце марта, а вторая (по четвертям) — в конце апреля и мая. Коковцов подчеркнул, что «ввиду исключительных условий... выпуск сравнительно высокопроцентного займа представляется единственно возможной формой кредитной операции». Вместе с тем Коковцов утверждал, что «действительный платеж» по новому займу, «включая премию и погашения», не превысит 5.5% в год и будет выгоднее по сравнению с «последними иностранными займами», которые обходились «в 6 $\frac{1}{3}$, 6.5% годовых». ⁴⁷ Однако в эти предварительные подсчеты министра финансов позднее пришлось внести одну, но существенную поправку: при окончательной выработке контракта банкирский синдикат настоял на увеличении комиссионного вознаграждения с 1.5 до 2% и, таким образом, реализационная цена займа снизилась с 94.5 до 94%. Из всей суммы займа в 200 млн руб. синдикат банков первоначально взял на себя только 150 млн, в то время как остальные 50 млн руб. временно были переданы в фонд сберегательных касс. ⁴⁸ Условия нового займа достаточно выразительно свидетельствовали о тяжелом экономическом положении правительства, и даже в Комитете финансов заем был воспринят прежде всего как вынужденная мера, осуществление которой «неизбежно повлечет за собой удорожание ипотечного кредита... как государственного, так и частного, понижение правительственных фондов и вообще удорожит пользование капиталами в России». ⁴⁹

Впрочем, эта вынужденная операция на внутреннем рынке мало что изменила в положении русского Министерства финансов, и Коковцову сразу же вслед за ней, уже в который раз, пришлось обратиться за помощью к Мендельсону.

В ходе переговоров с Мендельсоном довольно скоро выяснилось, что у русского правительства нет почти никаких оснований рассчитывать на проведение в Германии долгосрочной кредитной операции, «без риска весьма сильно повлиять на цены» уже обращающихся там русских бумаг, и реален только краткосрочный заем. ⁵⁰ Поэтому Комитет финансов принял решение вновь, после длительного перерыва, прибегнуть к выпуску краткосрочных обязательств Государственного казначейства в форме векселей. ⁵¹

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Журнал Комитета финансов, 11/24 марта 1905 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 436, лл. 4—5 об.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Представление министра финансов в Комитет финансов, не позднее 8/21 апреля 1905 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 437, лл. 1—6.

⁵¹ Журнал Комитета финансов, 8/21 апреля 1905 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 437, лл. 7—10. — Русское правительство прибегало к выпуску краткосрочных обязательств Государственного казначейства, как правило, в ис-

Именным высочайшим указом 10/23 апреля министру финансов «ввиду исключительных обстоятельств» было предоставлено полномочие на выпуск краткосрочных обязательств на сумму не свыше 200 млн руб. для последующего размещения их через Мендельсона. Однако 5%-е краткосрочные обязательства Государственного казначейства пока что удалось реализовать в Берлине не на всю сумму, а только на 150 млн руб. (324 млн марок), сроком от 9 до 12 месяцев с последующим погашением в декабре 1905—марте 1906 г.⁵² Комиссия в пользу приобретателей векселей была установлена от 0.5 до 1% и в пользу банкиров — 0.5% с нарицательной суммы реализуемых векселей. Кроме того, на счет русского правительства были отнесены вексельный сбор 0.5% и мелкие операционные расходы. В итоге, по произведенным в Кредитной канцелярии подсчетам, при средней длительности векселей в 290 дней пользование этим кредитом обошлось русскому правительству в 7.28% годовых.⁵³

Весьма вероятно, что именно известие об обращении Коковцова в Берлин побудило французское правительство принять меры к возобновлению прерванных франко-русских переговоров о займе. Во всяком случае в Париже в первых числах мая (по н. ст.) было известно не только о факте поездки представителя Мендельсона Артура Фишеля в Петербург для подготовки займа, но и были известны примерные его условия, о которых, впрочем, уже писала немецкая печать.⁵⁴

В парижских политических и финансовых кругах по обыкновению ревниво отнеслись к операции в Берлине, особенно после того как распространилось известие о том, что «значительная часть» обязательств Государственного казначейства «тотчас перешла из вторых рук для продажи в Париж».⁵⁵ «Французский финансовый мир, — писал в Петербург 5/18 мая 1905 г. Нелидов, — находится по отношению к русским делам в довольно неловком положении, созданном, с одной стороны, незаключением в марте предположенного займа, с другой — продажей в Берлине вновь выпущенных краткосрочных обязательств казначейства... Ван-

---

ключительных случаях. Впервые они были выпущены в период Отечественной войны 1812 г., последние перед 1905 г. выпуски обязательств производились в 1876—1886 г. (См.: ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 437, лл. 7—10; ф. 587, оп. 56, д. 1201, лл. 14—18).

⁵² Малешевский — Тимашеву..., 21 февраля/6 марта 1906 г. ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 1653, лл. 3—4.

⁵³ ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 1653, лл. 3—4.

⁵⁴ Биур — Делькассе, 21 апреля/4 мая 1905 г. DDF, sér. 2, t. 6, № 395, pp. 466—467.

⁵⁵ Нелидов — Ламздорфу, 5/18 мая 1905 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1905 г., д. 86а, лл. 136—138. — «Мы даем деньги, а немцы извлекают из этого политические выгоды», — сокрушался по этому поводу Делькассе (см. помету Делькассе на донесении Биюра 21 апреля/4 мая 1905 г. DDF, sér. 2, t. 6, № 395, pp. 466—467).

киры сетуют, что у нас не прямо обратились к ним, а главную прибыль от этой операции предоставили немцам».⁵⁶

Вскоре после заключения немецкого займа Нелидову и Рафаловичу были сделаны заявления соответственно директором Французского банка Паллэном и управляющим Парижско-Нидерландским банком Бенаком о желательности возобновления переговоров русского финансового ведомства с французским о новых финансовых сделках.⁵⁷ Причем Бенак заверил Рафаловича, что достаточно Коковцову обратиться через Нелидова к Рувье, объяснить французскому министру, в чем именно нуждается русское правительство, как тот «призовет в свой кабинет» Мазера и еще трех-четырёх банкиров, «скажет им, что нужно, и операция совершится без труда».⁵⁸ «Словом, в воздухе опять запахло займом», — подводил Рафалович итоги своим наблюдениям за настроением французских финансовых и политических кругов.⁵⁹

В Петербурге, разумеется, не собирались упускать возможность возобновить переговоры о займе во Франции. И Коковцов, следуя рекомендации управляющего Парижско-Нидерландским банком, поспешил дать необходимые инструкции Нелидову для переговоров с Рувье.⁶⁰ Вместе с тем, поскольку в данный момент русское Министерство финансов располагало средствами «для ведения войны в течение нескольких месяцев», Коковцов хотел непременно добиться того, чтобы первый шаг к возобновлению переговоров был сделан французскими банкирами.⁶¹ Однако ожидания Коковцова оказались напрасными: никакого предложения со стороны французских банкиров в мае—июне 1905 г. так и не последовало. Цусимское поражение русского флота повлекло за собой новую длительную отсрочку переговоров — теперь уже вплоть до заключения мира. Правда, и после Цусимы Рафалович сообщал в Петербург о «желании» банкиров, «подогретом завистью к Мендельсону и его успехам», «провести крупную операцию с Россией и использовать нынешнее состояние рынка», но уже с оговоркой: «За всем этим скрыта мысль, что мир неизбежен».⁶² «Бывшие министры и депутаты, которых я вчера видел, — писал Рафалович Коковцову о своих впечатлениях от встреч на приеме в Елисейском дворце 19 мая/1 июня 1905 г., — расточали

⁵⁶ Нелидов — Ламздорфу, 5/18 мая 1905 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1905 г., д. 86а, лл. 136—138.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Рафалович — Коковцеву, 2/15 мая 1905 г. Русские финансы... стр. 178.

⁵⁹ Рафалович — Коковцову, 16/29 мая 1905 г. Русские финансы... стр. 185.

⁶⁰ Коковцов — Нелидову, 10/23 мая 1905 г. Русские финансы... стр. 180—184.

⁶¹ Там же, см. также: Путилов — Рафаловичу, 28 мая/10 июня 1905 г. Русские финансы... стр. 188—189.

⁶² Рафалович — Коковцову, 20 мая/2 июня 1905 г. Русские финансы... стр. 187.

заверения в симпатиях и соболезнованиях по поводу наших поражений, но всякий раз настоятельно советуя прекратить войну, „которая вас ослабляет, тогда как Европа нуждается в вашей силе“». ⁶³ Французские кредиторы, кроме того, не скрывали своего беспокойства в связи с ослаблением позиции правительства в самой России и ростом революционного движения в стране. «У французской публики относительно России, — сообщал Рафалович, — есть только одно предубеждение — это внутреннее состояние империи». ⁶⁴

В этих донесениях Рафаловича, присланных в Петербург после Цусимского сражения, не было ничего такого уж нового. Они только свидетельствовали о нараставшей тревоге (первые признаки которой проявились еще в январе 1905 г.) французских финансовых и политических кругов за сохранение твердой власти в России как гарантии французских вкладов, сделанных в русские фонды, и основ франко-русского союза. Однако поскольку в своей финансовой политике самодержавие по-прежнему делало ставку на французскую биржу, оно не могло не считаться с настроениями своих кредиторов и, в частности, оставаться безразличным к реакции во Франции на события внутриполитической жизни России. Не случайно Витте, один из первых среди крупных представителей русской бюрократии выступивший против продолжения войны, пытаясь убедить Николая II в необходимости скорейшего заключения мира, запугивал царя перспективой роста революционного движения — с одной стороны, и опасностью конфликта с французской буржуазией — с другой. «Чтобы продолжать войну, — писал Витте Николаю II в последних числах февраля 1905 г., — нужны огромные деньги и обширный набор людей. Дальнейшие затраты совершенно расстроят финансовое и экономическое положение империи — составляющее центральный нерв жизни современных государств. Бедность населения увеличится и параллельно увеличится озлобление и помрачение духа. Россия потеряет кредит и все заграничные держатели наших фондов (между прочим, вся французская буржуазия) сделаются нашими врагами. ... вообще по теперешнему времени войско нужно в самой России». ⁶⁵

В данном случае, говоря о французской буржуазии, Витте, конечно, сгущал краски, но была в том предостережении и доля истины. Во всяком случае если не после Мукденского поражения, то теперь, после Цусимы, в Петербурге отчетливо должны были понять, что до заключения мира о крупной финансовой операции нечего и помышлять.

⁶³ Рафалович — Коковцову, 20 мая/2 июня 1905 г. ЦГИА, ф. 560, оп. 22; д. 285, лл. 75—76, а также: Русские финансы. . . , стр. 186, 187.

⁶⁴ Русские финансы. . . , стр. 186.

⁶⁵ Всеподданнейшее письмо Витте от 28 февраля 1905 г. В кн.: С. Ю. В и т т е. Воспоминания, стр. 573—574.

По заключении же мира русское Министерство финансов могло рассчитывать не только на парижский, но и на лондонский рынок, как об этом конфиденциально сообщил в последних числах июня русскому послу в Лондоне Бенкендорфу глава крупнейшего банкирского дома Англии «Братья Бэринг» лорд Ревльсток.⁶⁶

Таким образом, к началу июля 1905 г. вопрос о займе, а стало быть и о финансовом положении России, оказался в прямой зависимости от исхода мирных переговоров в Портсмуте. И Витте выехал 6/19 июля 1905 г. в качестве уполномоченного русского правительства на мирную конференцию в Америку в сознании того, что война ведется «на текущий долг, что министр финансов сколько бы то ни было серьезного займа в России сделать не может, так как он уже исчерпал все средства, а за границей никто более России денег не даст» и «дальнейшее ведение войны» возможно только «ценою полного финансового, а затем и экономического краха».⁶⁷ Если еще месяц назад Коковцов утверждал, что он вообще не намерен первым начинать переговоры с французскими банкирами, то Витте теперь должен был забыть о престиже и еще по дороге в Портсмут начать готовить почву для заключения нового займа в Париже. Здесь, «отказавшись от всяких приглашений и официальных приемов», Витте имел «частные свидания с многочисленными своими знакомыми из политического и финансового мира»,⁶⁸ дважды виделся с Рувье, был принят президентом республики и заручился обещанием последних «оказать, по заключении мира, полное содействие предполагаемой денежной операции».⁶⁹

Между тем финансовое положение самодержавия становилось все более критическим. Только успел Витте вступить на американскую землю, как его настигла телеграмма Коковцова с напоминанием о том, что после окончания переговоров он должен сделать все возможное для заключения займа во Франции. «Усерднейше прошу Вас, — телеграфировал Коковцов, — на обратном пути настаивать в Париже на необходимости займа как единственном способе не толкать нас на финансовые безрассудства».⁷⁰ Витте едва ли нуждался в такого рода подстегивании, ибо ни по дороге в Портсмут, ни в ходе мирной конференции он не упустил

⁶⁶ Б. А. Романов. Очерки... стр. 477.

⁶⁷ С. Ю. Витте. Воспоминания, стр. 399.

⁶⁸ Нелидов — Ламздорфу, 14/27 июля 1906 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1905 г., д. 86, лл. 217—218.

⁶⁹ С. Ю. Витте. Справка о том, как был заключен внешний заем 1906 г., спасший финансовое положение России. Пгр., 1913, стр. 5.

⁷⁰ Красный архив, т. 6, стр. 22—23. — Пока же Коковцов вновь был вынужден обратиться к внутренним ресурсам. Примечательно, что как раз в день отъезда Витте, 6/19 июля, Комитет финансов принял решение о выпуске второго (на тех же условиях, что и первый) двухсотмиллионного 5%-го внутреннего займа. Эмиссия была разрешена высочайшим указом 29 июля/11 августа 1905 г. См. Журнал Комитета финансов, 6/19 июля 1905 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 445.

из виду вопрос о предстоящем займе. В Америке Витте возобновил прерванные после 1902 г. переговоры с Морганом об открытии для России американского денежного рынка и получил согласие последнего на участие в предстоящей операции, которой Витте не прочь был придать теперь международный характер.⁷¹ С этим проектом Витте и выступил в сентябре 1905 г. в Париже («по дороге домой») перед Нецлином, а также перед главой французского правительства Рувье и президентом республики Лубэ. Заключение мира было встречено во французских финансовых и правительственных кругах с большим одобрением, и банкиры в принципе дали согласие вернуться к переговорам о новом займе. Однако и Рувье и Лубэ обратили внимание Витте на два обстоятельства, которые могли, с их точки зрения, все-таки помешать новой операции. Во-первых, назревавший франко-германский конфликт из-за Марокко. И в этом случае Рувье прямо просил Витте о посредничестве и поддержке интересов Франции.⁷² А во-вторых, развивавшаяся в России революция. В том, что говорил Лубэ о внутреннем положении России, явно звучала нотка недовольства негибкими методами борьбы русского правительства с революционным движением. Лубэ прямо заявил Витте, что, по его мнению, «без системы представительства и конституции Россия более идти не может». «Я его спросил, — писал позднее в своих воспоминаниях Витте, — говорил ли он по этому поводу когда-нибудь с государем. Он мне ответил, что говорил, выражая то же мнение. На мой вопрос: „Что же вам сказал государь?“ — он ответил: „Государь сказал: «Вы так думаете?»“. Я ему ответил: „Не только думаю, но в этом убежден“. Последующие события, — заключил он, — кажется оправдали мое мнение».⁷³

Заявление Лубэ, конечно, отражало настроения влиятельных кругов французского общества, которые и без того были хорошо известны русскому правительству и были им приняты во внимание при подготовке нового займа.

Вскоре после возвращения Витте в Россию Коковцов направил французским банкирам приглашение приехать в Петербург. К сожалению, это приглашение — письмо Коковцова Нецлину — не найдено еще в наших архивах и о его содержании можно судить только по пересказу, содержащемуся в воспоминаниях Коковцова. Хотя Коковцов и утверждает, что он не обмолвился в этом письме о готовившихся «в окружении Витте» переменах внутреннего строя, потому что «почти ничего не знал о том, что замышлялось» в связи с подготовкой манифеста, тем не менее в общей форме (и Коковцов это признавал) он достаточно ясно намекнул своим французским кредиторам на возможность либе-

⁷¹ В. А. Романов. Очерки. . . , стр. 575—577.

⁷² Более подробно о переговорах в Париже и посредничестве Витте в марокканском вопросе см.: В. А. Романов. Очерки. . . , стр. 586—591.

⁷³ С. Ю. Витте. Воспоминания, стр. 455.

ральных преобразований в системе государственного управления России. Кокцов подчеркнул в письме Нецлину, что «заключенный мир» и «решимость» царя «вступить на путь участия народа в работе по законодательству, — хотя бы на первых порах с характером совещательным, — создают более благоприятную почву для финансовой ликвидации войны», в чем заинтересована не только Россия, но и все страны, связанные с нею «общностью интересов».⁷⁴

Представители европейских банков приехали в Петербург для выработки контракта русского займа 7/20 октября.⁷⁵ В тот же день началась стачка на Московско-Казанской железной дороге. И банкиры сразу же на себе ощутили дыхание нарастающей в России революции. Они доехали до Петербурга по железной дороге, но «на пути их поезд был несколько раз задержан не только на станциях, но даже просто в поле... Вместо обычного утреннего часа, они прибыли под вечер и не успели разместиться в своих комнатах в Европейской гостинице, как везде потухло электричество». Некоторые из участников консорциума, под впечатлением увиденного в России, решили наутро, не вступая в переговоры, немедленно возвращаться назад. Однако, по мнению главы консорциума Нецлина, сложившемуся у него после консультаций во французском посольстве и разговоров с некоторыми французскими журналистами, революционное движение в России «перешло уже свою высшую точку нарастания» и должно было «скоро пойти на убыль, в особенности под влиянием ожидаемого манифеста о „даровании политических свобод“». Поэтому Нецлин высказался в пользу того, чтобы «вести переговоры как можно быстрее, не останавливаясь на мелочах и поспешить вернуться в Париж, с тем чтобы там осуществить заем» как только оправдаются благоприятные с его точки зрения прогнозы.⁷⁶ Решительно против спешного отъезда из Петербурга высказался также представитель Лионского кредита Бонзон, заявивший, «что неблагоприятная обстановка может оказаться даже весьма выгодной для французских держателей будущих русских бумаг, так как министр финансов будет, вероятно, более уступчив».⁷⁷ В течение почти десяти дней в обстановке всероссийской политической стачки длились переговоры представителей консорциума с русским правительством. Прогнозы и надежды участников консорциума не оправдались, революционное движение не только не шло на убыль, а нарастало и набирало силу. Революция проникла и сквозь стены государственного банка. Вечером 16/29 октября делегация служащих потребовала от управляющего С. И. Тимащева закрыть банк и прекратить операции, угрожая в противном

⁷⁴ В. Н. Кокцов. Из моего прошлого, стр. 85.

⁷⁵ Б. А. Романов. Очерки... стр. 600.

⁷⁶ В. Н. Кокцов. Из моего прошлого, стр. 96.

⁷⁷ Там же, стр. 96.

случае забастовкой. Попытки Тимашева убедить делегатов отказаться от выдвинутого ими требования со ссылками на «тяжелые последствия», которые может повлечь за собой закрытие банка, ни к чему не привели. 17/30 октября утром на «большой лестнице банка образовался многолюдный митинг», публика, явившаяся для совершения операций, покинула банк, и он фактически прекратил работу. «Около полудня, — вспоминал впоследствии о событиях 17/30 октября Тимашев, — приехал в банк министр финансов Коковцов, — почти весь персонал банка собрался в большом зале совета, зал был переполнен, стояли вилотную, здесь министр произнес речь, не скажу, чтобы она имела успех, после отъезда министра служащие не расходились, образовался второй, еще более многолюдный митинг, где говорились зажигательные слова, сильно возбуждавшие собрание».⁷⁸ Только последовавшее вечером 17/30 октября сообщение об издании манифеста предотвратило развитие назревавшей забастовки.

Едва не развернувшаяся забастовка служащих Государственного банка — лишь маленький штрих к событиям мощной Октябрьской стачки 1905 г., но штрих в данном случае весьма характерный. Какое значение могли иметь в эти дни переговоры министра финансов о займе с иностранными банкирами, если сам министр оказался перед реальной угрозой потерять управление центральным финансовым учреждением страны — Государственным банком? И действительно, последнее совещание консорциума, как это видно из воспоминаний Коковцова, проходило уже в такой обстановке, когда все участники заседания отчетливо понимали обреченность задуманной финансовой операции. «Мы просидели до полуночи в сущности совершенно напрасно, — писал Коковцов, — спорили о мелочах, говорили о разных тонкостях редакции контракта, но все сознавали, что мы тратим время попусту. Сама внешняя обстановка была в высшей степени тягостна: нас окружал давящий мрак, электричество не горело, у подъезда стоял, по желанию генерал-губернатора Трепова, усиленный наряд полиции, под эскортом которого наши французские гости вернулись в Европейскую гостиницу, и мы расстались с тем, что наутро участник этой экспедиции, специалист по контрактным тонкостям, служащий Парижско-Нидерландского банка г. Жюль-Жак приговаривает основания договора. На самом деле, никакой новой встречи между нами не произошло.

Утром Нецлин сказал мне по телефону, что чувствует себя совершенно разбитым от всех переживаемых впечатлений, просит отложить свидание до следующего дня, а когда наступил этот

---

⁷⁸ Записки С. И. Тимашева 1903—1906 гг. ЦГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 48, лл. 26—27; см. также официальное письмо Тимашева от 20 октября 1905 г. о событиях, происходивших в Государственном банке с 14/27 по 18/31 октября, адресованное Е. Д. Львову. ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 234, лл. 9—19.

„следующий“ день, то в двенадцатом часу я получил от него письмо из Европейской гостиницы с уведомлением, что им удалось нанять финляндский пароход, с которым они и выехали спешно из России. Так кончилась печально, — заключил свой рассказ Коковцов, — эта эпопея переговоров о займе». ⁷⁹ Финансовую сделку пришлось отложить на неопределенное время. Продолжительные переговоры участников консорциума с русским Министерством финансов закончились соглашением, в силу которого они должны были возобновить переговоры «когда обстоятельства это позволят». Соглашение состоялось как раз в день опубликования манифеста 17 октября, на который участники консорциума возлагали такие надежды. ⁸⁰ Однако, пожалуй, наиболее важным событием в переговорах, которые вели банкиры в Петербурге, были не официальные встречи с Коковцовым и даже не подписание практически ни к чему не обязывавшего банкиров соглашения, а свидание Нецлина с Витте, состоявшееся за 36 часов до назначения того председателем Совета министров. Свидание, подробности которого остались неизвестными даже Коковцову, узнавшему от Нецлина «под величайшим секретом» только самые общие сведения о его разговоре с Витте. Между тем Витте не только сообщил французскому банкиру о предстоящем уходе Коковцова с поста министра финансов и о своем назначении, но и выступил перед ним как лицо, в руках которого через несколько часов должны оказаться все нити управления государственной машиной. А в качестве такового он рекомендовал банкирам «незамедлительно» покинуть Петербург и поручил Нецлину от имени его, Витте, передать главе французского правительства «две вещи»: первое — Рувье может «положиться» на его обещание, что «ничто не произойдет в отношениях между Францией, Россией и Германией без ведома или за спиной французского правительства»; и второе — «Французы, и правительство первое, должны понять, что они все потеряют здесь, если у нас будет настоящая революция. Они заинтересованы в первую голову, чтобы у нас этого не случилось. Пресса может многое, и французское правительство столь же заинтересовано, как и мы, чтобы она вела себя должным образом. Лозунг должен быть такой: разумные реформы необходимы и будут осуществлены, но что реформами, вырванными посредством насилия и кровопролития, нельзя ничего достигнуть и что подобные меры никогда не служили ко благу народов». ⁸¹

И для Витте и для его собеседника за этой изложенной в самой общей форме программой сотрудничества нового русского правительства с французским стояли совершенно конкретные вещи. А именно: что правительство Витте намерено подавить

⁷⁹ В. Н. Коковцов. Из моего прошлого, стр. 98.

⁸⁰ Б. А. Романов. Очерки. . ., стр. 604.

⁸¹ Там же, а также: DDF, sér. 2, t. 8, № 110, pp. 149—151.

революцию силой и Витте не собирается считаться с тем, как отнесется к этому общественное мнение во Франции, что французское правительство, заинтересованное в скорейшем подавлении русской революции, при первом же благоприятном случае должно обеспечить проведение займа и обуздать свою собственную прессу. Авансом же за помощь Франции, на которую Витте теперь делал главную ставку в лагере международной контрреволюции, русский премьер еще раз присягал в верности франко-русскому союзу. А это означало, что французское правительство могло в перспективе рассчитывать на поддержку России в мароккском вопросе, о чем Рувье просил Витте еще во время остановки того в Париже по дороге из Портсмута в Петербург.

Непонятным остается только одно, на что рассчитывал Витте, когда в разговоре с Нецлином заявил, что он может ждать с займом «еще несколько месяцев».⁸² Размах революционного движения в ноябре—декабре 1905 г. привел к тому, что финансовое положение царизма с каждым днем «становилось все более и более шатким», царизм оказался на грани банкротства, и месяц спустя после отъезда из Петербурга европейских банкиров вслед им в Париж был направлен Коковцов вымаливать срочную финансовую поддержку.

Угроза финансового банкротства приняла совершенно реальный характер к началу декабря 1905 г.

По условиям эмиссионного закона 1897 г. сумма не обеспеченных золотом рубль за рубль кредитных билетов не должна была превышать 300 млн руб. С целью охранения золотого запаса, с началом военных действий в 1904 г. Государственный банк перешел к так называемой «новой кассовой политике», суть которой состояла в том, чтобы во всех случаях, когда банку не предъявляется прямое требование об уплате непременно золотом, производить платежи лишь кредитными билетами. Результатом этой политики явилось увеличение с начала войны и по октябрь 1905 г. почти вдвое кредитных билетов, находившихся в обращении, при сравнительно незначительном увеличении в результате займовых операций золотого запаса. В октябре—ноябре 1905 г. золотой запас начал сокращаться, в то время как количество кредитных билетов продолжало расти. Под влиянием разраставшегося революционного движения доходы начали поступать в казну «чрезвычайно скудно», «сберегательные кассы стали выдерживать систематическую осаду на их средства, и каждый день стал давать небывалую до того картину — предъявления требований о выплате вкладов золотом».⁸³ «Уже ночью, задолго до открытия операций, к ним стекались густые толпы вкладчиков».⁸⁴ Отлив

⁸² Там же.

⁸³ В. Н. Коковцов. Из моего прошлого, стр. 111—112.

⁸⁴ Записки С. И. Тимашева 1903—1906 гг. ЦГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 48, л. 31.

денег из Государственного банка «по счетам сберегательных касс достиг колоссальных размеров», крупные требования на деньги исходили также от частных банков.⁸⁵

Особенно интенсивный отлив золота из сберегательных касс происходил в конце ноября—начале декабря 1905 г.;⁸⁶ в частности, как это отмечалось в постановлении Государственного совета, по поводу отчета Государственного банка за 1905 г. и под влиянием опубликованного 2/15 декабря 1905 г. во многих столичных, а затем и в провинциальных газетах «Финансового манифеста» Петербургского совета рабочих депутатов, призывавшего население к истребованию вкладов из сберегательных касс и обмену кредитных билетов на золото. «Среди населения возникла беспрецедентная в истории нашего государственного кредита паника, — говорилось в постановлении, — вызванная этим преступным воззванием и сопутствовавшей ему противоправительственной агитацией крайних партий: истребование вкладов из государственных касс приняло стихийный характер и выразилось к концу отчетного года в громадной цифре 148 с лишком миллионов: одновременно с сим значительно увеличилось предъявление кредитных билетов к размену, увеличились требования производства платежей золотом и весьма сильно возросли операции по продаже валюты, обусловленные отливом капиталов за границу».⁸⁷

«Новый... совершенно неожиданный удар», по определению управляющего Государственным банком С. И. Тимашева, был нанесен золотому обращению из Берлина, банкирами, производившими «крупные обороты по поручению Государственного банка и казначейства». «В ноябре приехал в Петербург представитель нашего главного берлинского корреспондента, — писал в своих воспоминаниях Тимашев, — и заявил требование о высылке большой партии золота натурой. Хорошо помню тяжелые объяснения с этим господином, в очень ласковой, неприятно слащавой форме мне предъявлен был в сущности ультиматум с угрозой прекратить операции за наш счет, т. е. оплату купонов русских займов и наших тратт, если золото не будет выслано в кратчайший срок.

---

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Положение Государственного банка и денежного обращения с октября 1905 г. по апрель 1906 г. ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 503, лл. 24—25. — С 16/29 ноября по 1/14 декабря — 48 млн руб.; с 1/14 по 16/29 декабря — 62,8 млн руб.

⁸⁷ Об отчете Государственного банка за 1905 г. Журнал Государственного совета от 7/20 июня 1907 г. ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 65, лл. 27—28. — По мнению Б. А. Романова, «финансовый манифест» не сыграл сколько-нибудь значительной роли «в полете царизма к банкротству», поскольку финансовый бойкот правительства и до того осуществлялся «в массовых масштабах уже не первый день» спасавшими свое состояние представителями «господствующих классов» (Б. А. Романов. Очерки... стр. 611—612).

Пришлось подчиниться...».⁸⁸ Тимашев не назвал стоимость отправленного в Берлин золота и только упомянул о снаряжении «нескольких транспортов», однако в начале декабря (по ст. ст.) в американских газетах появилось сообщение о доставке в Берлин на протяжении недели большой партии русского золота на 60 млн руб.⁸⁹ В ответ на запрос, сделанный в связи с этим русским агентом в Америке Г. А. Виленкиным, министр финансов телеграфировал 12/25 декабря 1905 г. в Вашингтон: «Сведение о доставке золота в Берлин верно, но указываемая вами цифра преувеличена. Цель — облегчить рынок, показать несколько нервной публике, что средств на оплату обязательств более чем достаточно. Полезно, чтобы вами в этом смысле было сделано заявление в газетах».⁹⁰ Вероятно Шипов, сменивший в октябре 1905 г. Кокцовца на посту министра финансов, отдавал себе отчет в том, насколько курьезно звучало это объяснение отправки большой партии русского золота в Берлин почти в разгар финансового кризиса. Но что ему оставалось делать? Не мог же он открыто заявить о безвыходном положении русского правительства, равно как и не мог вступать в конфликт с берлинскими банкирами, поскольку как раз в конце ноября — начале декабря Министерство финансов вело переговоры о новых кредитах у Мендельсона.

После провала переговоров о международном займе правительство Витте оказалось перед необходимостью изыскать где бы то ни было около 200 млн руб., чтобы дотянуть до конца 1905 г. Выпуск третьего долгосрочного внутреннего займа Шипов счел «невозможным» как по финансовым, так и по политическим соображениям.⁹¹ 18 ноября/1 декабря Комитет финансов принял решение об увеличении выпуска краткосрочных обязательств Государственного казначейства сверх разрешенных указом 10/23 апреля 1905 г. еще на 150 млн руб., с тем, чтобы общая стоимость находившихся в обращении обязательств не превышала 350 млн руб.⁹² 25 ноября/ 8 декабря царь санкционировал это решение, однако всего неделю спустя, 3/16 декабря, оно было пересмотрено Комитетом финансов, и 9/22 декабря Николай II

---

⁸⁸ Записки С. И. Тимашева 1903—1906 гг. ЦГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 48, л. 34.

⁸⁹ Виленкин — Шипову, 9/22 декабря 1905 г. ЦГИА, ф. 560, оп. 22, д. 278, л. 45. — В конце ноября Тимашев получил распоряжение министра финансов о высылке в Берлин слитков золота из золотого запаса Государственного банка на 50 млн руб. и о депонировании этого золота в Рейхсбанке на счета банкиров Мендельсон и К^о (Шипов — Тимашеву, 24 ноября/7 декабря 1905 г. ЦГИА, ф. 588, оп. 3, д. 1876, л. 1).

⁹⁰ Шипов — Виленкину, 12/25 декабря 1905 г. ЦГИА, ф. 560, оп. 22, д. 278, л. 46.

⁹¹ Представление министра финансов в Комитет финансов, не позднее 18 ноября/1 декабря 1905 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 447, лл. 1—3.

⁹² Журнал Комитета финансов, 18 ноября/1 декабря 1905 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 447, л. 9.

утвердил новое «положение» Комитета финансов о выпуске краткосрочных обязательств Государственного казначейства не на 150, а на 200 млн руб. По высочайшему указу 9/22 декабря, стоимость выпущенных в обращение как в иностранной, так и в русской валюте, краткосрочных обязательств не должна была превышать 400 млн руб. Государственному банку вменялось в обязанность принимать краткосрочные обязательства для учета как от Государственного казначейства, так и от частных лиц на условиях, установленных министром финансов.⁹³

И на этот раз основные надежды в смысле реализации обязательств русское Министерство финансов возлагало на Берлин. Через Мендельсона предполагалось разместить обязательства на сумму до 200 млн руб., с тем чтобы постепенно заменить ими обязательства, приобретенные Мендельсоном в апреле (истекать и на 150 млн руб. (сроки которых начинали истекать) и на 50 млн руб. усилить заграничную наличность казны. На остальные 200 млн руб. первоначально решено было выпустить обязательства в русской валюте и учесть их в Государственном банке.⁹⁴

По договоренности с Мендельсоном, новые обязательства (векселя) выпускались сроком на 9 месяцев, размер процента по ним устанавливался 5.5% годовых «с добавлением комиссии в пользу приобретателей 1¼% для векселей, принятых до 30 декабря 1905 г., и 1% для остальных обязательств и, наконец, 0.5% комиссии в пользу Мендельсона».⁹⁵

Однако размещение новых обязательств у Мендельсона оказалось «малоуспешным». До конца года их удалось реализовать всего на 52.750 тыс. марок и, таким образом, операция в Берлине в том виде, как она была задумана, не удалась.⁹⁶ Но и в случае полного успеха берлинской операции министр финансов, видимо, не рассчитывал с ее помощью выбраться из финансового кризиса.

3/16 декабря 1905 г. Шипов вынужден был поставить в Комитете финансов вопрос о возможном прекращении размена кредитных билетов на золото причем, судя по воспоминаниям Коковцова, министр финансов «заклучил свой доклад категорическим требованием прекратить размен». Витте также заявил, что «не возражает против предложенной меры, хотя и сознает все ее печальные последствия» и только после выступления других членов

⁹³ Журнал Комитета финансов, 3/16 декабря 1905 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 451, лл. 1—2.

⁹⁴ Журнал Комитета финансов, 5/18 января 1906 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 451, лл. 1—3.

⁹⁵ Журнал Комитета финансов, 3/16 декабря 1905 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 451, лл. 1—2.

⁹⁶ Журнал Комитета финансов, 5/18 января 1906 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 451, лл. 1—3. — Только к апрелю 1906 г. на германском рынке было реализовано на 89.2 млн руб. обязательств Государственного казначейства, в русской валюте их было выпущено к тому же времени на 90.5 млн руб. (см. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 458, лл. 1—2).

Комитета финансов, высказавшихся против прекращения размена, решено было отложить окончательное решение вопроса и создать специальную комиссию в составе Шипова, Коковцова и П. Х. Шванебаха для наблюдения за состоянием денежного обращения и изыскания мер, которые предотвратили бы надвигавшееся банкротство.⁹⁷ Однако министр финансов, не дожидаясь решения комиссии, предпринял шаги к ограничению размена в провинции, прямо противоречившие эмиссионному закону 1897 г. 7/20 декабря Государственный банк разослал своим отделениям циркуляр, предписывавший максимальное ограничение выдачи золота под предлогом того, что «банк может не удовлетворять полностью требования на золото, вызываемые агитацией крайних партий».⁹⁸

Между тем в результате изучения денежных операций комиссия пришла к выводу, что эмиссионное право Государственного банка почти исчерпано. На 8/21 декабря выпуск кредитных билетов превысил 1250 млн руб., в то время как золотая наличность исчислялась в 1076 млн руб. Причем из этой суммы 252 млн руб. должны были быть в ближайшее время затрачены на уплату долга Кредитной канцелярии иностранным банкирам (36 млн руб.), платежи по обязательствам Государственного казначейства (150 млн руб.) и расчеты за продажу на срок тратт (66 млн руб.). Кроме того, 149 млн руб. должны были быть израсходованы на выплату металлической валюты по операции репорта. Таким образом, свободная наличность золота составляла не более 675 млн руб.⁹⁹ Тем не менее и Коковцов и Шванебах решительно высказались против прекращения размена, хотя Шипов по-прежнему считал «предпочтительным» его приостановку и расширение эмиссионного права.¹⁰⁰

В заседании Комитета финансов 9/22 декабря 1905 г. было принято решение «попытаться подкрепить» золотой фонд Государственного банка и казначейства хотя бы небольшим заграничным займом, который «дал бы возможность усилить выпуск кредитных билетов» без нарушения эмиссионного закона и «выиграть время», необходимое для подавления революции.¹⁰¹ В том же

---

⁹⁷ В. Н. Коковцов. Из моего прошлого, стр. 113—115; см. также: Журнал Комитета финансов, 3/16 декабря 1905 г.; А. Л. Сидоров. Финансовое положение русского самодержавия в период русско-японской войны и первой русской революции. Исторический архив, 1955, № 2, стр. 125—126. — Poleмика, о которой пишет Коковцов, не нашла своего отражения в журнале заседания, что же касается доклада Шипова, то он отсутствует в деле, материалы которого опубликованы А. Л. Сидоровым.

⁹⁸ Циркуляр о порядке производства кассовых выдач от 7/20 декабря 1905 г., № 9а. ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 104, л. 51—51 об.

⁹⁹ Журнал Комитета финансов, 14/27 декабря 1905 г. Исторический архив, 1955, № 2, стр. 127—128.

¹⁰⁰ В. Н. Коковцов. Из моего прошлого, стр. 116.

¹⁰¹ Там же, стр. 116.

заседании, по свидетельству Коковцова, он докладывал предварительные результаты работы комиссии. Однако в фонде Комитета финансов следы этого выступления Коковцова до сих пор не обнаружены. Найден и опубликован А. Л. Сидоровым журнал заседания Комитета финансов 14/27 декабря, специально посвященный обсуждению записки Коковцова, Шванебаха и Шипова, о котором в воспоминаниях Коковцова не сказано ни слова.¹⁰² Журнал 14/27 декабря не подписан Коковцовым.¹⁰³ Это дает основания предполагать, что 14/27 Коковцов даже не присутствовал на заседании Комитета финансов. Таким образом, если Коковцов прав, то записка комиссии обсуждалась в Комитете финансов дважды 9/22 и 14/27 декабря и оба раза с одним и тем же результатом. Несмотря на то, что в дни декабрьского вооруженного восстания правительство находилось почти на волоске от финансового банкротства, было решено использовать оставшийся в распоряжении русского Государственного казначейства золотой запас до предела и не объявлять о прекращении размена лишь бы не давать в руки революционеров явного свидетельства непрочности самодержавия. На заседании Комитета финансов 14/27 декабря Шванебах прямо заявил, что прекращение платежей золотом может быть использовано в революционной пропаганде как свидетельство государственного банкротства. «Для революционеров, которые во всеуслышание предсказывают это, — говорил Шванебах, — прекращение размена явится прямым торжеством и опаснейшим в их руках козырем... До крайности было бы прискорбно предоставить революционерам столь острое орудие смуты как раз в тот момент, когда правительство, решившись побороть оружием вооруженные мятежи в Москве и в Балтийском крае, еще не нанесло мятежникам ни на том, ни на другом театре действий решительного поражения». Поэтому Шванебах призывал воздержаться от «провозглашения прекращения размена... вопреки всяким указаниям финансовой техники», чтобы не дать «революционерам повод выставлять перед народом еще и финансовую победу над правительством».¹⁰⁴ Однако в связи с тем, что установленный законом предел эмиссионного права Государственного банка был почти исчерпан, Комитет финансов принял решение о выпуске кредитных билетов на сумму не свыше 150 млн руб. без золотого покрытия, которые обеспечивались принимавшимися Государственным банком в обеспечение выдач краткосрочными обязательствами по учету и ссудам, а также краткосрочными обязательствами Государственного казначейства и должны были быть при первой же возможности изъяты из обращения. Два дня спустя 16/29 декабря Николай II уже подписал указ, разрешавший министру

¹⁰² Исторический архив, 1955, № 2, стр. 127—128.

¹⁰³ См.: ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 454, лл. 26—28.

¹⁰⁴ Исторический архив, 1955, № 2, стр. 130.

финансов эту операцию,¹⁰⁵ который, впрочем, решено было скрыть от публики и не предавать гласности до тех пор, пока это не будет «признано... своевременным», пока к тому не вынудят обстоятельства.¹⁰⁶ Вместе с тем Комитет финансов уполномочил министра «принять все меры для сокращения отлива золота из страны», действуя в пределах законов о денежном обращении.¹⁰⁷ Разумеется, в Комитете финансов рассматривали все эти меры только как способ отсрочить банкротство и дотянуть до получения финансовой помощи извне, на которую и была сделана основная ставка.

К 15/28 декабря, когда в Москву из Петербурга прибыл севенский полк с артиллерией и правительство, воспользовавшись перевесом в силе, начало подавление московского восстания, для срочной поездки в Париж за займом был снаряжен Коковцов, в тот же день вечером получивший последние инструкции и наставления от самого царя. Николай поручил Коковцову передать французскому правительству, что он, Николай, «придает особое значение успеху» возложенного на Коковцова поручения, т. е. заключения займа, и со своей стороны готов «поддержать» французское правительство в той форме, которая тому «сейчас наиболее желательна». «Вот теперь начинается на днях Алжезираская конференция, — уточнил свою мысль Николай. — Я думаю, что моя поддержка, особенно ясно заявленная французскому правительству, помимо обыкновенной передачи через министерство и нашего посла, могла бы быть особенно полезна».¹⁰⁸

Коковцов выехал из Петербурга в сопровождении своего секретаря Л. Ф. Дорлиака 17 декабря (ст. ст.) и прибыл в Париж вечером 19-го, в день жестокой расправы карателей с рабочими, оборонявшими последний очаг сопротивления на Пресне — Прохоровскую мануфактуру. И ему вслед тотчас же была послана депеша с известием о подавлении московского восстания, которую Коковцов поспешил предъявить французским банкирам как свидетельство того, что «Москва окончательно успокоена» и революционное движение в России «идет резко на убыль».¹⁰⁹ Однако ни этот «аргумент», ни попытки Коковцова запугать банкиров тем, что с прекращением размена на золото наступит «денежная анархия», в результате которой «держатели внешних займов потеряют больше кого-либо», не дали решительно никаких результатов.

¹⁰⁵ ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 454, л. 20. — Интересно отметить, что сам журнал заседания Комитета финансов 14/27 декабря был представлен царю и утвержден им только 30 декабря 1905 г./12 января 1906 г.

¹⁰⁶ Именной высочайший указ 16/29 декабря так и не был опубликован, в течение двух лет его держали в тайне, а затем 30 ноября/13 декабря 1907 г. он был уничтожен собственноручно царем (ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 454, л. 56—57).

¹⁰⁷ Исторический архив, 1955, № 2, стр. 132.

¹⁰⁸ В. Н. Коковцов. Из моего прошлого, стр. 119.

¹⁰⁹ Там же, стр. 120.

Банкиры категорически отказались вести переговоры о займе, заявив, что их не очень-то беспокоит прекращение размена, ибо «по внешним займам» Россия «во всяком случае будет платить золотом».¹¹⁰ А Нецлин прямо заявил Коковцову, что только французское правительство может убедить банкиров согласиться на заключение займа и то при условии, что «оно даст банкам моральную гарантию за то, что они не потеряют своих денег».¹¹¹ Проведя два дня в бесплодных переговорах с банкирами, Коковцов вечером 21 декабря/3 января направился в качестве просителя на набережную Орсе на прием к председателю Совета министров Франции Рувье. Коковцов явился в точно назначенное время, но его «не хотели пускать, говоря, что председатель совета на охоте» и в этот день «вовсе не будет в министерстве». Два часа Коковцов провел в униженном ожидании и «собирался было уже уходить», когда его вдруг «позвали» все-таки в кабинет Рувье и перед ним предстала «грузная фигура человека огромного роста, с неприветливым лицом, в охотничьем костюме с медленною, как будто спросонья, речью».¹¹² Рувье согласился взять на себя заботы по организации во Франции теперь же небольшого, а после завершения Алжезирасской конференции крупного займа для окончательного подавления революции. Однако, в свою очередь, он потребовал от Коковцова заверения в безоговорочной поддержке русским правительством Франции в мароккском вопросе. «Я уверен, что Россия будет с нами, — заявил Рувье, — но для нас важно, чтобы мы могли рассчитывать не только на благожелательное отношение ее, но имели уверенность в том, что ее представитель не станет сноситься с своим правительством в какой-либо острый момент переговоров, но займет сразу определенное положение на нашей стороне, и всей конференции будет ясно, что мы поддержаны Россией и можем опереться на ее слово».¹¹³ Коковцов без колебаний заверил Рувье в готовности русского правительства оказать полную поддержку своей союзнице в мароккском деле. Более того, Коковцов подчеркнул, что получил на этот счет соответствующую инструкцию от царя, «принимает на себя всю ответственность» за сделанное заявление и готов даже подтвердить его соответствующим письмом. Что же касается русского представителя на конференции, то ему должно быть от Ламздорфа известно распоряжение царя и, стало быть, никакие новые инструкции просто не нужны. «Теперь мы с вами заключили договор, — ответил на это Рувье, — вы уже выполнили ваше обязательство, дело за мной, и я уверен, что его так же честно выполню как вы свое».¹¹⁴

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же, стр. 119.

¹¹² Там же, стр. 122.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же.

С этим рассказом о первой встрече с Рувье из воспоминаний Коковцова не вполне вяжется его телеграмма Витте, отправленная в тот же день вечером, сразу же после беседы с Рувье. «Успеху моего трудного положения, — поспешил сообщить Коковцов в Петербург, — могло бы значительно содействовать получение мною права заявить Рувье конфиденциально, что в мароккском вопросе Франция может рассчитывать на моральную поддержку России в смысле влияния ее на Германию. К этому вопросу Рувье возвращался дважды».¹¹⁵ Возможно, что телеграмма Коковцова носила чисто перестраховочный характер или он не совсем точно передал в своих воспоминаниях содержание первого разговора с Рувье,¹¹⁶ но во всяком случае несомненно одно, что именно в эти дни между Коковцовым и Рувье состоялось устное соглашение, в результате которого программа обновления франко-русского союза, предложенная Витте в октябре 1905 г., вступила в действие.

На пятый день пребывания Коковцова в Париже «произошла полная перемена декораций». Утром французские банкиры Нейлин, Мазера, Ульман, Доризон и Готтингер, «получили приглашение явиться в Министерство иностранных дел». Переговоры с банкирами вел сам Рувье, который предложил им удовлетворить просьбу русского правительства. Попытка некоторых банкиров не соглашаться на требование Рувье и доказывать, что французские банки не так уж заинтересованы в сохранении золотого обращения в России «вызвала такое решительное возражение» с его стороны и «такую энергичную реплику, что устойчивое положение денежного обращения в России нужно для Франции и для ее правительства, что вся оппозиция смолкла» и представители банков заявили о своей готовности вести переговоры с Коковцовым, лишь бы он «не требовал слишком большой суммы и не связывал их прямым обязательством заключить большой заем при полной неизвестности того, чем кончится революционное движение в России».¹¹⁷ В тот же день вечером в помещении Парижско-Нидерландского банка началось обсуждение условий контракта, который был подписан 29 декабря 1905 г./11 января 1906 г. на 100 млн руб. (267 млн франков).¹¹⁸

¹¹⁵ Русские финансы. . . , стр. 239.

¹¹⁶ Кстати сказать, в воспоминаниях Коковцова речь идет только об одной встрече с Рувье, в то время как Коковцов встречался с ним в эти дни несколько раз.

¹¹⁷ В. Н. Коковцов. Из моего прошлого, стр. 124—125.

¹¹⁸ По условиям контракта во Франции размещались выпущенные на основе указа 9/22 декабря обязательства (векселя) Государственного казначейства сроком на 12 месяцев (до 13 января н. ст. 1907 г.) с учетом из 5,5%, при комиссионном вознаграждении в $1\frac{3}{4}\%$, 0,5% вексельного сбора и около $\frac{1}{6}\%$ операционных издержек. Общая стоимость займа была определена Кредитной капеллярией примерно в 7,82% годовых. Вырученнал

Между тем в Петербурге с тревогой следили за переговорами Коковцова и делали все возможное, для того чтобы способствовать их успеху. На следующий же день после встречи с Рувье Коковцову было передано по телеграфу подтверждение о готовности русского правительства оказать Франции в мароккском вопросе «моральную поддержку в смысле влияния на германское правительство».¹¹⁹ А еще два дня спустя Ламздорф и Витте подготовили проект телеграммы царя германскому императору, которая должна была побудить Вильгельма к уступкам.¹²⁰ Однако ни у Витте, ни у кого-либо другого из членов его кабинета не было твердой уверенности в успехе миссии Коковцова, а время шло и золотой запас таял на глазах. К 23 декабря 1905 г./5 января 1906 г. количество выпущенных в обращение ценных бумаг превысило норму, установленную законом 1897 г. почти на 50 млн руб., и правительство задержало очередную публикацию баланса Государственного банка, скрыв от публики фактически уже наступившее банкротство.¹²¹ «По-видимому, операция не удастся, — писал Витте 25 декабря 1905 г./7 января 1906 г. Николаю II по поводу парижских переговоров. — Придется прекратить размен на золото и из-за сего проистечет много бедствий. Хотя бы удалось отсрочить этот момент до более спокойного положения. Нам в будущем году, помимо бюджета, потребуется около миллиарда, — а где их взять?»¹²² Участники собравшегося 27 декабря 1905 г./9 января 1906 г. объединенного заседания Комитета финансов и Департамента экономики Государственного совета все без исключения признали необходимость прекращения размена. «Различие в мнениях заключалось лишь в том, что одни полагали, что на это нужно решиться немедленно, другие думали, что, может быть, следует еще подождать». Окончательное решение вопроса было отложено до следующего заседания. «Как это мне ни больно видеть, — писал в тот же день вечером Николаю II Витте, — что плоды моего двенадцатилетнего управления финансами разбились прахом, тем не менее я со страхом вижу, что придется прекратить обмен и подвергнуть Россию всем последствиям этого ужасного явления, разве только случится что-либо необык-

---

по векселям сумма должна была поступить в распоряжение Министерства финансов по четвертям 5 апреля, 5 мая, 5 июня и 5 июля н. ст. 1906 г. (Малешевский — Тимашеву, 21 февраля/6 марта 1906 г. ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 1653, лл. 3—4).

¹¹⁹ Витте — Коковцову, 22 декабря 1905 г./4 января 1906 г. Русские финансы. . . , стр. 239.

¹²⁰ Всеподданнейшая докладная записка Витте 25 декабря 1905 г./7 января 1906 г. ЦГАОР, ф. 543, оп. 1, д. 317, лл. 2—3.

¹²¹ Б. А. Романов. Россия в Маньчжурии (1892—1906). Л., 1928, стр. 529.

¹²² Всеподданнейшая докладная записка Витте 25 декабря 1905 г./7 января 1906 г. ЦГАОР, ф. 543, оп. 1, д. 317, лл. 2—3.

новенное к нашему счастью».¹²³ Положение в Петербурге было настолько напряженным, что и после заключения займа «там не могли ждать, пока документы по совершенной в Париже операции придут в Петербург почтой» и спешили показать на балансе «Государственного банка 50 млн руб. за границей».¹²⁴ Однако это удалось сделать только 2/15 января 1906 г., когда было покончено с последними формальностями, связанными с заключением займа. В эти нелегкие для самодержавия дни на рубеже старого 1905 и нового 1906 г. правительство Витте было близко к тому, чтобы обнародовать именной высочайший указ 16/29 декабря и открыто заявить о расширении эмиссионной операции Государственного банка.¹²⁵ По-видимому, как раз в это время и была составлена сохранившаяся в делах Государственного банка, не подписанная и не датированная, принадлежавшая, надо полагать, все тому же Тимашеву записка следующего содержания: «Немедленное опубликование балансов Государственного банка на 23 декабря 1905 г. и на 1 января 1906 г. представляется, безусловно, необходимым. 1. Отсутствие баланса на 23 декабря вызовет толки о превышении эмиссионного права. 2. Получение золота за границей не изменит положения, так как провод его декабрем безусловно невозможен. 3. Если бы этот провод был сделан, то доверие к балансу Государственного банка и его администрации было бы совершенно подорвано. 4. Расширение эмиссионного права все равно неизбежно, иначе в ближайшем будущем будут те же затруднения. 5. Распубликование указа 16 декабря не только не вызовет тревоги, но, напротив, утвердит намерение правительства сохранить размен, так как всем ясно, что без такого расширения эмиссионного права мы не можем выдержать. Финансовый комитет, очевидно, не найдет другого выхода из настоящего положения».¹²⁶

Однако ни баланс на 23 декабря 1905 г./5 января 1906 г., ни указ 16/29 декабря 1905 г. так и не увидели свет. В самые последние дни 1905 г. правительство Витте предприняло новые меры к сохранению золотого запаса. 29 декабря 1905 г./11 января 1906 г. на объединенном заседании Комитета финансов и Департамента государственной экономии Государственного совета было принято решение о сокращении обыкновенных и чрезвычайных расходов военного и морского министерств «впредь до улучшения финансового положения империи»,¹²⁷ а 31 декабря 1905 г./13 января

---

¹²³ Всеподданнейшая докладная записка Витте 27 декабря 1905 г./9 января 1906 г. ЦГАОР, ф. 543, оп. 1, д. 317, лл. 6—7.

¹²⁴ В. А. Романов. Очерки. . . , стр. 616.

¹²⁵ См.: Витте — Коковцову, 2/15 января 1906 г. Русские финансы. . . , стр. 251.

¹²⁶ ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 1667, л. 18.

¹²⁷ Журнал Комитета финансов и Департамента государственной экономии Государственного совета, 29 декабря 1905 г./11 января 1906 г., Исторический архив, 1955, № 2, стр. 141—142.

1906 г. Государственный банк разослал еще одну циркулярную депешу, обязывавшую «банковые и казначейские кассы удовлетворять требование на золото самыми незначительными суммами».¹²⁸

Таким образом, налицо были и эмиссия сверх установленной законом 1897 г. нормы и практическое прекращение размена. Всю первую половину января в Комитете финансов продолжались споры о том, объявлять или не объявлять официально о расширении эмиссионного права Государственного банка. В. Н. Коковцов, вернувшийся в Петербург в первых числах января (ст. ст.) из Берлина (где он после парижских переговоров заключил соглашение с Мендельсоном об отсрочке платежей по краткосрочным обязательствам, размещенным у германских банкиров),¹²⁹ столкнулся в Финансовом комитете с обстановкой, весьма похожей на ту, которая была перед его отъездом. Несмотря на только что проведенную операцию, Шипов после возвращения Коковцова вновь внес на обсуждение Комитета финансов «проект указа о приостановлении размена, настойчиво мотивируя его необходимость недостаточностью займа и плохими сведениями из отделений Государственного банка и казначейств».¹³⁰ Однако в результате обсуждения предложений Шипова члены Комитета финансов приняли решение «собираться ежедневно, следить за ходом дела, но размена пока не приостанавливать».¹³¹ Отсрочка решения вопроса о размене дала повод Тимашеву настаивать на безотлагательном расширении эмиссионного права Государственного банка. Тимашев констатировал продолжение отлива золота по самым различным каналам и считал необходимым объявить о расширении эмиссионного права именно теперь, после получения парижского аванса, «когда дышится легче», а не «в последнюю отчаянную минуту», которая вновь может наступить.¹³² 8/21 января эмиссион-

¹²⁸ ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 104, л. 53—53 об.

¹²⁹ Коковцов дал согласие на увеличение комиссионного вознаграждения германским банкирам с 0,5 до $\frac{5}{8}$ %, если они разместят до 18/31 января 1906 г. краткосрочные обязательства (сверх реализованных в декабре на 52 750 тыс. марок) еще на сумму в 32 400 тыс. марок. Комиссионное вознаграждение банкирам должно было возрасти до $\frac{3}{4}$ % в случае, если банкиры до 30 января/12 февраля 1906 г. заявят о своей готовности взять обязательства еще на сумму в 32 400 тыс. марок. Кроме того, было условлено, что приобретатели обязательств сохраняют право на дополнительное вознаграждение в $\frac{1}{4}$ % вплоть до 17/30 апреля 1906 г. (ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 455, лл. 1—3).

¹³⁰ В. П. Коковцов. Из моего прошлого, стр. 133.

¹³¹ Там же.

¹³² Записка С. И. Тимашева «О расширении эмиссионного права Государственного банка», не позднее 9/22 января 1906 г. ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 1667, лл. 14—16.

ная политика Государственного банка обсуждалась в соединенном заседании Комитета финансов и Департамента государственной комиссии Государственного совета. В нашем распоряжении имеется два варианта журнала этого заседания. Первый в качестве «проекта» 9/22 января был прислан при сопроводительном письме для ознакомления Тимашеву и отложился в фонде Государственного банка, не получив, надо полагать, дальнейшего движения.¹³³ Второй, хранящийся в фонде Комитета финансов, очевидно, следует считать окончательным, ибо в таком виде он и был представлен царю на утверждение.¹³⁴ Впрочем, оба варианта журнала, хотя и не совпадают текстуально, по содержанию своему существенно не отличались друг от друга. Первый вариант дает более полное представление об обстановке заседания 8/21 января 1906 г., на котором были высказаны соображения как за расширение эмиссионного права Государственного банка, так и против. С одной стороны, продолжавшийся отлив звонкого металла (около 2 млн руб. в день) и сокращение золотой наличности угрожали поставить банк перед необходимостью прекращения размена, по сравнению с которым расширение эмиссионного права, с точки зрения участников заседания, было «меньшим бедствием».¹³⁵ С другой стороны, поскольку только что проведенная в Париже операция была обусловлена необходимостью сохранить существовавшее денежное обращение, на заседании было высказано опасение, что не только прекращение размена, но и расширение эмиссионного права Государственного банка может «неблагоприятно повлиять на заграничные финансовые сферы и затруднить переговоры о новых кредитных операциях».¹³⁶ В связи с этим соединенное заседание Комитета финансов и Департамента государственной экономии приняло решение «закончить все подготовительные меры» к расширению эмиссионного права, «не предпринимая», однако, вопроса о времени приведения этих мер в исполнение.¹³⁷ На заседании был выработан проект нового эмиссионного закона, который предусматривал обеспечение золотом не менее половины находившихся в обращении кредитных билетов, при условии, что общая сумма их не будет превышать 1400 млн руб.¹³⁸

---

¹³³ На сопроводительном письме Тимашеву карандашная помета: «Не состоялось» (ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 1667, лл. 20—30).

¹³⁴ Этот вариант журнала соединенного заседания 8/21 января опубликован А. Л. Сидоровым (Исторический архив, 1955, № 2, стр. 142—145).

¹³⁵ Журнал соединенного заседания Комитета финансов и Департамента государственной экономии Государственного совета, 8/21 января 1906 г. ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 1667, лл. 20—30.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Первоначально предполагалось установить предельную сумму выпуска кредитных билетов в размере 1500 млн руб. (ср.: Исторический архив, 1955, № 2, стр. 144; ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 1667, лл. 20—30).

Его осуществление позволило бы правительству сделать дополнительные выпуски кредитных билетов на значительные суммы, а также допустить сокращение золотого запаса примерно до 750 млн руб.

Как уже говорилось выше, первый, более пространный вариант журнала заседания 8/21 января, видимо, не был представлен царю, как не был представлен и составленный на его основе проект правительственного сообщения о расширении эмиссионного права Государственного банка.¹³⁹ 13/26 января царем был утвержден второй, более лаконичный вариант журнала заседания 8/21 января 1906 г.¹⁴⁰ Отныне министру финансов «по соглашению с председателем Совета министров, в случае признания ими необходимости расширения права Государственного банка по выпуску кредитных билетов» достаточно было представить на подпись царя заготовленный для этого случая проект именного высочайшего указа, чтобы новый эмиссионный закон вступил в силу.¹⁴¹

Подготовив, таким образом, на крайний случай реформу денежного обращения, правительство Витте вместе с тем стремилось во что бы то ни стало отсрочить банкротство и выиграть время до получения крупного заграничного займа. В тот же день, 13/26 января, царь утвердил сводный журнал соединенных заседаний Комитета финансов и Департамента государственной экономики Государственного совета 28 и 29 декабря 1905 г. и 5 и 8 января 1906 г. (ст. ст.), предусматривавший принятие «неотложных мер» для задержки отлива золота из касс Государственного банка. Было намечено: «1) повышение нормы учетного процента, взимаемого по активным операциям банка; 2) стеснение выдачи ссуд под процентные бумаги; 3) стеснение продажи иностранной валюты и воздействие на частные банки в смысле пересрочки их заграничных кредитов для сохранения золота, полученного по репорту; 4) затруднение в разумных пределах выдачи золотой монеты из касс Государственного банка».¹⁴² Во исполнение этого последнего пункта, 28 января/10 февраля 1906 г. управляющим конторами и отделениями Государственного банка было разослан новый циркуляр, подтверждавший циркулярное распоряжение 31 декабря 1905 г./13 января 1906 г. о том, чтобы требования на золото удовлетворять «самыми незначительными суммами». Более того, конторам и отделениям банка было предложено «стягивать» золото из мелких казначейств, находящихся во второ-

¹³⁹ Сохранился черновой карандашный набросок проекта правительственного сообщения о расширении эмиссионного права Государственного банка (ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 1667, лл. 31—33).

¹⁴⁰ См.: ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 454, л. 44.

¹⁴¹ Исторический архив, 1955, № 2, стр. 145; Проект именного высочайшего указа о расширении эмиссионного права Государственного банка. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 454, л. 49.

¹⁴² Исторический архив, 1955, № 2, стр. 148.

степенных пунктах, сократив их наличность до «возможного минимума».¹⁴³

Предприняв, таким образом, целую серию мер для сохранения золотого запаса и держа наготове на случай катастрофы проект нового эмиссионного закона, правительство Витте почти сразу же после возвращения Коковцова из поездки во Францию вплотную занялось подготовкой крупного заграничного займа, всеми силами стремясь придать ему международный характер. Однако главная роль в подготовке этого займа оставалась, разумеется, за Парижской биржей и французским правительством. А оно ждало от России выполнения данного ею обязательства — поддержать Францию в мароккском вопросе, от решения которого зависела теперь целиком судьба русского займа, а значит и финансовое положение самодержавия. И Витте с самого начала взял в свои руки не только непосредственную подготовку займа в Париже, но и политическое обеспечение его в Марокко. «Мне теперь крайне и безусловно необходимо иметь постоянные сведения о ходе и шансах к благоприятному окончанию Мароккской конференции, — писал он 5/18 февраля министру иностранных дел Ламздорфу. — Это ныне центральный вопрос нашего политического положения».¹⁴⁴ Только что избавившись от страха перед неминуемым, казалось, банкротством в декабре 1905 г., русский премьер с января 1906 г. пребывал теперь в постоянном беспокойстве за то, чтобы поскорее и «успокоительно» кончилась Мароккская конференция, прекрасно сознавая, что если она затянется надолго, русские «финансы не выдержат».¹⁴⁵ При этом спешить с займом царское правительство побуждало не только финансовое положение, но и перспектива созыва в апреле 1906 г. Государственной думы, самый факт существования которой мог осложнить проведение заграничной финансовой операции.

Поскольку критическое финансовое положение царизма не было секретом, а обещание французского правительства помочь в организации русского займа только после завершения Алжезирасской конференции очень скоро перестало быть секретом, Витте не делал никаких попыток как-то маскировать перед немцами позицию России в мароккском конфликте. Он даже нарочито демонстрировал перед правительством Вильгельма II очевидную связь мароккского конфликта с внутривнутриполитическим положением самодержавия. Пытаясь повлиять на германскую дипломатию и склонить ее к уступкам в Алжезирасе, Витте прежде всего под-

¹⁴³ Циркуляр управляющим конторами и отделениями Государственного банка «О порядке производства кассовых выдач», 28 января/10 февраля 1906 г. ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 104, л. 50—50 об.

¹⁴⁴ Витте — Ламздорфу, 5/18 февраля 1906 г. ЦГАОР, ф. 568, оп. 1, д. 381, л. 445.

¹⁴⁵ Витте — Ламздорфу, 13/26 января 1906 г. ЦГАОР, ф. 568, оп. 1, д. 381, л. 441.

черкивал, что революционное движение в России представляет опасность и для Германии и затрагивает ее интересы как монархической державы.¹⁴⁶

Стремясь во что бы то ни стало «добыть деньги до созыва Государственной думы», Витте обратился с личным письмом к Вильгельму, в котором просил германского императора способствовать благополучному окончанию Алжезирасской конференции и тем помочь в заключении займа до созыва Думы, чтобы русскому правительству не пришлось решать этот вопрос, имея дело «с мало дисциплинированной и политически невоспитанной толпой».¹⁴⁷

«Уверен, — писал Витте, — что революционеры избрали Россию для испробования своих сил, и если они не потерпят поражения, то революция перейдет за наши границы: тому пример французская революция. Поэтому желательно, чтобы воцарилась у нас тишина».¹⁴⁸

Если бы удалось в полной мере, как это пытался Витте, использовать ненависть Вильгельма к русскому революционному движению и тем самым повлиять на позицию германской делегации в Алжезирасе, то русская сторона могла бы ограничиться ролью посредника во франко-германском конфликте и, не обостряя отношений с Германией, выполнить свои обязательства перед Францией. Однако в полной мере это не удалось: обращения Витте к Вильгельму не дали значительных результатов, и русской дипломатии пришлось выступать в мароккском конфликте открыто и определено на стороне Франции, сделав всю ставку на помощь французской буржуазии.

Если политическое обеспечение займа Витте осуществлял фактически в открытую, то его непосредственная подготовка до поры до времени была законспирирована. Ее Витте начал совершенно секретно и непосредственно через Рувье. В январе 1906 г. русский финансовый агент в Париже Рафалович нанес специальный визит Рувье, результаты которого Рафалович лаконично передал в одной только фразе, сказанной Рувье. — «Поддержка в Алжезирасе и — русский заем». После этого Рафалович был вызван в Петербург и вернулся в Париж уже со специальным посланием Витте, которое немедленно вручил Рувье. В послании Витте настаивал на срочности операции и принял на себя известные обязательства.¹⁴⁹ По согласованию с Витте и Рувье 2/15 февраля прямо в Царское Село, без остановки в Петербурге, секретно, под фамилией своего лакея Бернара, приехал Нецлин. Нецлин остановился в запасном

¹⁴⁶ С. Ю. Витте. Справка о том, как был заключен внешний заем 1906 г., спасший положение России, стр. 13—14.

¹⁴⁷ Там же, стр. 13.

¹⁴⁸ Там же, стр. 14.

¹⁴⁹ Рафалович — Витте, 11/24 марта 1906 г. ЦГИА, ф. 1622, он. 1. д. 879, л. 2—2 об.

доме дворце великого князя Владимира Александровича, где в течение двух дней вел переговоры с Витте, Шиповым и Ламздорфом, во время которых были выработаны предварительные условия предстоящего займа,¹⁵⁰ 6/19 февраля Нецлин уже вернулся в Париж. «Но переговоры с банкирами он мог начать не иначе «как с разрешения на то... министра финансов», поскольку «операция подобного масштаба» была признана принадлежащей «исключительно компетенции правительства».¹⁵¹ А это означало — Алжезирас! Попытки Витте добиться открытия переговоров о займе до окончания работы конференции оказались безуспешными. Более того, вопрос о займе осложнился еще в связи с отставкой 20 февраля/8 марта 1906 г. правительства Рувье. Смена кабинета не изменила отношения во Франции к русскому займу, однако многое пришлось начинать сначала. Встречи русского посла с новым премьером Саррреном и министром финансов Пуанкарэ состоялись лишь в начале марта. Пуанкарэ еще входил в курс дела и он сразу же обещал свою помощь, но только после завершения Алжезирасской конференции. Между тем время шло, и перед самодержавием опять реально возникла перспектива очень близкого финансового краха. Трудности и неудачи в переговорах о займе держали Витте все это время, в январе—марте 1906 г., почти в том же паническом состоянии, в котором он пребывал в декабре 1905 г., о чем свидетельствуют крохотные, но звучащие весьма выразительно, адресованные Ламздорфу и бережно им сохраненные карападные записки Витте, написанные во время заседаний Совета министров 27 января/9 февраля и 10/23 марта 1906 г.: «Алжезирас, ради бога!», «Ради бога, Алжезирас!».¹⁵²

«В оптимистические телеграммы Нелидова, — писал Витте Ламздорфу 15/28 марта 1906 г., — относительно готовности французского правительства разрешить нам сделать во Франции заем, я, признаюсь, понемногу теряю веру. Боюсь, что Нелидов излишне доверяет французам. Пожалуй, кончится тем, что во Франции мы ничего не добьемся, а с Германией он нас, пожалуй, и поссорит... Мы находимся на волоске от денежного (а следовательно, и общего) кризиса. Перебиваемся с недели на неделю, но всему есть предел. Об этом я кричу уже три месяца».¹⁵³

Когда 18/31 марта в Алжезирасе, наконец, было достигнуто соглашение, и Пуанкарэ разрешил Нелидову начать переговоры с банкирами, самодержавие находилось уже на краю банкротства. «Как бы в ближайшие недели чего не случилось, чтобы опять сор-

¹⁵⁰ См.: В. Н. Коковцов. Из моего прошлого, стр. 145—146.

¹⁵¹ Б. А. Романов. Очерки..., стр. 625—626.

¹⁵² Витте — Ламздорфу, 27 января/9 февраля и 10/23 марта 1906 г. ЦГАОР, ф. 568, оп. 1, д. 381, лл. 444, 468.

¹⁵³ Витте — Ламздорфу, 15/28 марта 1906 г. ЦГАОР, ф. 568, оп. 1, д. 381, лл. 473—474.

вало дело! Тогда пропадем», — реагировал Витте на известие о приближающемся окончании конференции.¹⁵⁴ Однако возникшие на пути царизма трудности, связанные с переговорами о займе, теперь уже носили второстепенный характер.

В последних числах марта Коковцов выехал в Париж для окончательного завершения операции, которую он, испытав горечь новых унижений при переговорах с членами французского кабинета, особенно Клемансо, довел до подписания контракта. Практически для выпуска займа было все готово еще 3/16 апреля 1906 г., однако указ о его выпуске был опубликован только 9/22 апреля, на следующий день после подписания в Париже протокола совещания начальников русского и французского штабов, состоявшегося по предложению французского правительства как раз в самый момент завершения переговоров о займе.¹⁵⁵

Российский государственный 5%-й заем 1906 г. был заключен на сумму в 2.25 млрд франков, из которых 1.2 млрд взяла на себя Франция, 330 млн — Англия, 165 млн — Австрия, 55 млн — Голландия и 500 млн — русские банки. Придать займу международный характер так и не удалось — отказались от участия в нем немецкие, итальянские, американские и швейцарские банки. Вместо международного получился явно антантовский заем, замаскированный участием в нем австрийских банков.¹⁵⁶

Несмотря на огромный размер только что совершенного займа, и после него финансовое положение царизма продолжало оставаться нелегким. К концу 1906 г. котировка русских ценных бумаг на бирже все еще была значительно ниже того уровня, на котором она находилась к началу войны. «Расценки государственных бумаг России», судя по заявлению Шипова, сделанному им на заседании Комитета финансов 18 ноября/1 декабря 1906 г., упали «ниже займов Китая, Турции, Балканских государств, южноамериканских республик».¹⁵⁷ Примечательно, что наряду

¹⁵⁴ Витте — Ламздорфу, 18/31 марта 1906 г. ЦГАОР, ф. 568, оп. 1, д. 381, лл. 480—481.

¹⁵⁵ Б. А. Романов. Очерки..., стр. 634.

¹⁵⁶ Там же, стр. 633—634.

¹⁵⁷ Журнал Комитета финансов, 18 ноября/1 декабря 1906 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 464, л. 7 об. — Характеризуя финансовое положение страны, Шипов отметил, что если в марте 1904 г. Государственная 4%-я рента расценивалась по 93.5%, а залладные листы Государственного дворянского земельного банка по $91\frac{7}{8}\%$, то в ноябре 1906 г. эти же бумаги соответственно стоили $74\frac{1}{4}\%$ и 68%. Учетный процент Государственного банка для трехмесячных векселей поднялся за это время с 5.5 до 7.5%. Наконец, свободная наличность Государственного казначейства на 1 января 1904 г. достигала 381.3 млн руб., а на 1 января 1906 г., по отчету Государственного контроля за 1905 г., был исчислен недостаток средств Государственного казначейства в размере 158 млн руб. (Журнал Комитета финансов, 18 ноября/1 декабря 1906 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 464, л. 5 об.).

с другими фондами в начале ноября 1906 г. на Петербургской бирже наблюдалось понижение цен и на 5%-й заем 1906 г., вызванное «не столькими крупными предложениями этого займа, сколько полным отсутствием на него покупателей». Опасаясь, чтобы «резкое падение» курса нового займа не оказало влияния на «общее настроение» фондового рынка, министр финансов образовал специальный «синдикат из двух крупных частных банков с Государственным банком во главе» для обеспечения устойчивого курса этого займа. Поскольку оба частных банка, вошедшие в синдикат, не имели свободных средств, необходимые суммы для покупки облигаций займа авансировал Государственный банк при условии, что окончательные расчеты по операции будут произведены после ликвидации синдиката. Суммы, в пределах которой синдикат мог совершать покупки облигаций, была определена в 4,5 млн руб.,¹⁵⁸ однако в декабре 1907 г. она была увеличена вдвое, а операции синдиката распространены и на 5%-е внутренние займы 1905 г.¹⁵⁹ И все-таки всеми правдами и неправдами самодержавие постепенно выбиралось из пропасти финансового кризиса.

Итак, в апреле 1906 г. французская биржа вторично спасла царизм от неминуемого финансового банкротства. Теперь, разумеется, можно только строить предположения о том, что произошло бы в случае провала переговоров о займах во Франции в декабре 1905 г. или в апреле 1906 г. и как отразилось бы финансовое банкротство правительства Витте на ходе первой русской революции. Несомненно только одно, что даже самый факт официального правительственного заявления о прекращении размена способствовал бы дальнейшему обострению внутриаполитического кризиса в стране.

---

¹⁵⁸ Всеподданнейшая докладная записка Коковцова, не позднее 3/16 ноября 1906 г. ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 350, л. 10 и об.

¹⁵⁹ Всеподданнейшая докладная записка Коковцова, не позднее 28 декабря/10 января 1908 г. ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 350, л. 9—9 об.